

Курьер

— И сроку тебе на все про все — две недели, — говорит шеф, пристально глядя мне в глаза. — И ни часом больше.

— Одну минуту, — спрашиваю, — к чему такая спешка? Если мне не изменяет память, кто-то обещал мне отпуск. Как раз через две недели. Так, может, я лучше на обратном пути...

— Извини, — с фальшивым сожалением вздыхает шеф, — не получится. Как раз через две недели созреет важный груз на Лируллу. Так что, сам понимаешь...

— Можно подумать, — с не менее фальшивой обидой бормочу я, — что, кроме меня, у нас и курьеров не осталось?

— Таких, как ты, нет, — подслащивает пиллюлю шеф. — Считаю за поощрение. Ну, и премия из моего личного резерва тебе обломится, так уж и быть.

— Ясно, — говорю и одновременно делаю вид, что польщен по самую макушку. — Разрешите идти?

— Еще не все, — останавливает меня шеф и умолкает.

«Так, — думаю, — вот сейчас-то главная пакость и обнаружится».

Как в воду смотрел.

— Возьмешь с собой стажера, — отводит глаза в сторону шеф.

— Шутите? — спрашиваю, уже понимая, что шутками здесь и не пахнет.

— Я, конечно, могу приказать, — шеф опять глядит мне в глаза. — Но прошу. В виде исключения. Понимаешь, это ее последний шанс. За четыре месяца от нее двое отказались. Жуткий характер. Но она была лучшей на курсе, а подготовка курьера обходится слишком дорого, чтобы вот так просто забраксовать человека, уже защитившего диплом.

— Так, — констатирую. — Давайте я попробую угадать. Оба раза этой штучке давали в старшие курьеров-женщин. Но штучка оказалось слишком самостоятельной, да еще наверняка стержневой. То есть в стержневости превзошла даже наших курьерш. В это трудно поверить, но...

— Она сирота, — перебивает меня шеф. — Круглая.

— Я сейчас заплачу, — сообщаю.

— Деваться некуда, — шеф достает из ящика стола пачку сигарет и закуривает. Третий или четвертый раз на моей памяти. И я понимаю, что деваться ему и на самом деле некуда.

— Я знал ее родителей, — продолжает шеф. — В молодости мы были друзьями.

— Понятно, — теперь моя очередь отводить взгляд. — Нет проблем, шеф. Я ее возьму. Где она сейчас?

— Здесь, в городе. Явится с вещами туда, куда ты скажешь, и в назначенное время.

— Тогда, как обычно. Ровно в семнадцать часов в «Скоророде». Как я ее узнаю?

— Она тебя сама узнает. Да и ты не ошибешься. Невысокая, ладная. Волосы черные, глаза синие.

— Понял, — вздыхаю. — Это все?

— Все, — отвечает шеф с явным облегчением в голосе. — Можешь идти. И удачи тебе.

— Спасибо, — встаю со стула. — До свиданья.

Беру со стола объемистый пакет с документами и выхожу из кабинета.

На самом деле шеф у меня хороший. Насколько может быть хорошим шеф вообще. Он деспот и самодур, но зато никогда не сдаст тебя вышестоящему начальству на растерзание. Если, конечно, будет знать, что курьер по объективным причинам не смог выполнить то, что от него требовалось. Да и по необъективным, в отдельных случаях, тоже. Опять же премиальных не жалеет, да и небольшая наша курьерская зарплата всегда хоть чуть-чуть, но опережает инфляцию. В общем, грех жаловаться. Особенно, если любишь свою работу. А я люблю.

Это когда-то давным-давно работа курьера считалась мало престижной и соответственно оплачивалась. Теперь же... Да что я вам рассказываю, вы и сами наверняка знаете, что попасть нынче молодому человеку или девушке в КСЗ — Курьерскую службу Земли — очень и очень непросто. Для этого мало иметь отменное здоровье, хорошие рефлексы и IQ не ниже 140. Нуж-

но еще выдержать экзамены в Курьерскую школу, где конкурс в двести человек на одно место считается обычным делом.

А затем — шесть лет тяжелой учебы и тренировок, защита диплома — до сих пор она снится мне иногда в кошмарных снах! — и обязательная стажерская практика. Которая заключается в том, что тебя приставляют к опытному курьеру в качестве мальчика (девочки) на побегушках. Предполагается, что опытный курьер должен обучать молодого всем тонкостям профессии, которым в школе научить просто невозможно. На собственном, так сказать, примере.

Кто служил в армии или полиции — поймет, что это такое. Да и кто не служил, но попадал со стороны в давно сработавшийся коллектив, тоже должен понять — молодых везде гоняют, на то они и молодые.

После стажерской практики — еще один экзамен, уже неофициальный. Так называемое первое самостоятельное задание. Неофициальный он потому, что его результаты ни в каких документах не фиксируются. Но все прекрасно знают, что от этих результатов напрямую зависит твоя будущая карьера и условия службы. Обитаемых планет в галактике много, но не все они имеют одинаковый статус. Одно дело ходить с дипломатической почтой и редкими подарками, скажем, на ту же Лируллу — родную планету одной из древнейших разумных рас в галактике, и совсем другое — обслуживать планеты-рудники или дальние колонии, на которых все развлечения — это дешевый виски местного производства да проститутки-андроиды, потому что настоящих туда работать и калачом не заманишь.

Так вот. Очень и очень редко, но бывает, что будущий курьер не проходит стажировку. И учился хорошо, и все тесты в порядке, и диплом защитил блестяще... А как до дела настоящего дошло — все. Не может. Какой-то, не замеченный вовремя преподавателями, наставниками да врачами психологический барьер мешает. Вывих подсознания. Непреодолимый.

Вот и получается в итоге самая настоящая человеческая драма, а то и трагедия.

Повторяю, случается подобное крайне редко. Но случается. А теперь и мне, кажется, с этим пришлось столкнуться вплотную. Если две опытных курьерши отказались... Действительно, я у девчонки — последний шанс. И деваться, самое главное, некуда — шеф действительно не приказывал, а просил.

В 16 часов 20 минут, переделав кучу дел, я уже вхожу в «Скорород», здороваюсь с барменом Стасом и сажусь за свой привычный столик в углу.

Подходит Любочка, опирается левой рукой о столик, правой — в соблазнительно изогнутое бедро и наклоняется ко мне так, что я невольно утыкаюсь глазами в расстегнутый на две пуговицы ворот ее блузки. Точнее, в то, что за блузкой прячется. А еще точнее, только делает вид, что прячется.

— Привет, Люба, — улыбаюсь как можно жизнерадостней. — Давно тебя не видел. Отлично выглядишь.

— Да и ты, смотрю, неплохо, — усмехается она в ответ. — А что давно не видел, так сам виноват. Кто месяц назад обещал позвонить?

— Разве уже месяц? — бормочу. — Надо же, как время летит...

— Да черт с тобой, — успокаивает меня Люба и выпрямляется. — Все вы одинаковые. Только не удивляйся, когда в один прекрасный момент для тебя меня не окажется дома.

— Брось, не надо, я этого не переживу, — говорю серьезно и с почти неподдельной искренностью.

Карие глаза Любочки чуть теплеют. Кажется, подействовало. Вот и хорошо.

— Тебе ужин, — спрашивает она, — или только выпивку?

— Никакой выпивки, — отвечаю. — Увы. В двадцать ноль-ноль стартую. А вот заправиться не откажусь. Поэтому принеси-ка ты мне порцию солянки, бифштекс, как я люблю, салатик из огурчиков-помидорчиков, сок гранатовый свежее выжатый — боль-

шой стакан. Ну и кофе, разумеется. На финал.

— Хорошо, — кивнула Люба. —

Сейчас все будет. Улетаешь, значит?

— Служба, — пожимаю плечами.

— А когда вернешься?

— Надеюсь, через две недели.

— Ну, спокойного неба тебе.

— Спасибо.

Любочка отходит, а я наливаю себе минералки, откидываюсь на стуле и оглядываю зал.

В это время суток он еще не забит до отказа, но понемногу уже наполняется. Однако что-то никого из знакомых я пока не вижу. Впрочем, и к лучшему, наверное.

Когда пришел черед кофе, стрелки моих часов вплотную приблизились к пятичасовой отметке.

«Интересно, опоздает или нет?» — думаю я и на первом же глотке поднимаю глаза и вижу, что она уже внутри кафе. Стоит рядом со стойкой и о чем-то говорит со Стасом. Наверное, спрашивает обо мне. Так и есть. Стас поворачивает голову в мою сторону, она смотрит туда же, и наши глаза встречаются. Мои серые с ее синими.

Даже в полумраке кафе и на таком расстоянии их синева кажется пронзительной. Особенно в сочетании с антрацитовым блеском ее волос.

Я поднимаю руку, обозначая свое местонахождение, она улыбается, благодарно кивает Стасу и легкой походкой направляется к моему столику.

— Здравствуйте, — говорит она чуть глуховатым, но приятным голосом. — Я ишу Сергея Григорьева. И бармен сказал мне, что это вы.

— Бармен вам не соврал, — отвечаю по возможности благосклонно. — Сергей Григорьев — это я. А вы...

— Ирина Родина, — представляет она. — Ваш стажер.

— Как, извини?

— Родина. Ударение на первом слогe. Такая у меня фамилия. А зовут Ирина. Вас что-то не устраивает?

— Нет, что ты. Все замечательно. Родина, значит. Ирина. Мой стажер. Очень хорошо. Приблизительно так мне тебя и описывали. Присаживай-

ся, Ирина, в ногах правды нет. Ужин, кофе, сок?

— Спасибо, я не голодна. Но от кофе не окажусь.

Я делаю знак Любе, привлекая ее внимание, подымаю чашку с кофе и показываю один палец. Люба согласно наклоняет голову. Ирина чуть медлит, но все же садится, предварительно скидывая с плеча на пол дорожную сумку.

— Это твои вещи? — спрашиваю.

— Да.

— Документы с собой?

— Разумеется.

— Покажи.

Она расстегивает замок на куртке (хм, недурная грудь, однако!), лезет во внутренний карман и протягивает мне удостоверение личности и предписание.

Небрежно просматриваю и возвращаю.

— Все в порядке. Кстати, это ничего, что я к тебе на «ты»?

— Ничего. Вы старше и опытней — это естественно.

— Только не обижайся.

— Да я вовсе не обиделась. С чего вы взяли?

— Мне так показалось. Вообще, старайся как можно реже на меня обижаться. Даже если тебе покажется, что я достоин твоей обиды.

— Почему?

— Потому что это совершенно непродуктивно. Будет все равно по-моему, а ты на этом потеряешь массу нервных клеток.

— Это совет? — она чуть приподнимает вверх черные, изящно очерченные брови.

— Причем добрый, — уточняю. — Приказать в данном случае я, как ты понимаешь, не могу.

Она явно хочет что-то сказать в ответ, но тут Люба приносит кофе.

— Спасибо, Любочка, — я чуть касаюсь руки официантки. — И принеси счет, пожалуйста. Мы скоро уходим.

— Хорошо, — Люба бросает на моего стажера красноречивый взгляд, картинно изгибает левую бровь и удаляется, покачивая бедрами.

Пью кофе и смотрю ей вслед. Все-таки потрясающая задница у этой женщины. В двадцатом веке была такая американская киноактриса — Мэрилин Монро (я видел один классный фильм с ее участием). Так вот у нее, возможно, задница была лучше. Совсем чуть-чуть.

— Я вижу, вы тут всех знаете, — невинно замечает Ирина.

— Не всех, — я ставлю пустую чашку на блюдо. — Но многих. Это естественно. «Скороход» — наше кафе. Курьеров и пилотов грузовиков. Или ты не знала?

— Знала. Но бывала здесь редко.

— Понятно, — мне хочется немного ее успокоить. — Ничего, еще надоест.

— Спасибо, — Ирина смотрит мне прямо в глаза, и я чувствую, что в последующие две недели мне и на самом деле придется нелегко.

Административный контроль, таможенный контроль, бактериологический контроль... Хорошо еще, что все действия, как с нашей, так и с контролирующих сторон доведены до автоматизма, и ровно в восемнадцать часов и сорок минут робот-автокар лихо подруливает к моему кораблику типа «Гермес-8М» (бортовой номер К-15, неофициальное имя «Стриж») и тормозит напротив входного люка.

— Мы прибыли, — сообщает нам стандартно-жизнерадостный голос робота. — Не забывайте свои вещи в салоне и багажнике. Счастливого пути!

— И тебе того же, — бормочу я, откатываю в сторону дверцу, ступаю на керамлитовые плиты космодрома и делаю глубокий вдох.

Я люблю эти минуты. На взлетном поле всегда, даже в самую тихую погоду, есть ветерок. Летом он доносит сюда запах леса и окрестных лугов, зимой — морозного или влажного снега, осенью — умирающих листьев, весной — лопнувших почек и только что оттаявшей земли. Но в любое время года здесь пахнет также и ракетным горючим, смазкой, озоном, металлпластом и... космической далью.

Именно далью, а не простором. Потому что слово «простор» для космоса, даже ближнего, не подходит. Слишком оно маленькое. А вот «даль» — то, что надо. Не смотря на всю его потрепанность и стертость от длительного употребления. Да, космической далью, если где и пахнет, то именно здесь — на взлетном поле космодрома. И те, кто хоть раз в эту самую даль залетал, поймет, о чем я говорю.

За двадцать минут до старта, мы полностью к нему готовы. Перед этим я успеваю ознакомить Ирину со “Стрижом”: показываю ее каюту — каморку метр семьдесят на два десять, где только и помещается стандартная койка, рабочий стол с терминалом бортового компьютера, стул-кресло и встроенный шкаф для одежды и личных вещей, санитарно-гигиенический блок, камбуз, рубку управления, свою каюту, трюм и двигательный отсек. Впрочем, все это чистая формальность — уж кто-кто, а человек, окончивший Курьерскую школу, знает устройство корабля «Гермес-8М», используемого КСЗ, досконально.

Ведет себя Ирина совершенно адекватно. В нужных местах молчит, в нужных — кивает или задает вопросы. Эдакий скромный, но вполне уверенный в себе стажер. Что ж, ладно. Работа наша только начинается, посмотрим, что будет дальше.

За пятнадцать минут до старта мы уже сидим в рубке управления и еще раз проверяем все системы корабля. Точнее, проверяю, разумеется, я, а Ирина лишь полностью дублирует мои действия. Так и положено по инструкции — стажер должен обрести необходимый практический навык, чтобы впоследствии мог работать самостоятельно.

И вот — старт. Земля проваливается вниз, и на обзорном экране перед нами распаивается чистое небо...

На орбите я перевожу гравигенератор в режим искусственного тяготения (не люблю невесомость, даже кратковременную) и жду, когда наступит время отрыва.

— Восемь минут, — констатирует Ирина.

— Да, — киваю. — Все штатно. Ждем.

КСЗ — Курьерская служба Земли — была создана семьдесят два года назад. То есть на планете, насколько мне известно, еще живы двое-трое из тех, кто первыми нашли на левый рукав коричневой кожаной куртки изображение древнегреческого бога Гермеса в крылатых сандалиях, сели в специально переоборудованные корабли и отправились развозить конфиденциальные документы и почту, а также небольшие ценные грузы по всей обитаемой Вселенной. На планеты-колонии землян, а также планеты-метрополии и опять же колонии тех разумных галактических рас, с которыми Земля установила дипломатические отношения, торговые и культурные связи.

Поначалу таких планет было очень много, и два-три десятка курьеров, выполняя в основном заказы ИКСНП — Исполнительного Комитета Совета Национальных Правительств, вполне справлялась с возложенными на них обязанностями. Однако планеты-колонии, планеты-рудники и сырьевые базы, чем дальше, тем больше стали появляться не только у таких стран, как Россия, Китай, Индия или США, но даже и у отдельных сверхмощных корпораций. А где растущие корпорации — там, разумеется, и курьеры. Потому что не все можно передать с радиоволной или при помощи сверхдальней связи. Так было, так есть и так будет.

Очень скоро курьеров стало не хватать. И государства, и корпорации быстро сообразили, что заводить каждому свою собственную курьерскую службу в данном случае, когда нужно преодолевать немыслимые межзвездные пространства, слишком накладно и хлопотно. А лучше всего скооперироваться, укрепить и заодно расширить ту, которая уже имеется — Курьерскую службу Земли. С целью ее дальнейшего совместного использования. Это и было сделано к всеобщему удовлетворению, и с тех самых пор профессия курьера приобрела ту ува-

жительную известность и тот высокий статус, которые имеет по сей день.

Восемь минут прошли.
Отрыв.

Нам и делать ничего не надо, кроме как следить за действиями компьютера. Он и действует. Как всегда, безошибочно. Впрочем, это лишь на моей памяти. Инструкции и уставы, как известно, пишутся нервами и кровью, а в соответствующей инструкции сказано ясно и однозначно: «Пилот обязан находиться в рубке управления и контролировать отрыв корабля с орбиты вплоть до начала его автоматического разгона». И правильно. Компьютер — это всего лишь компьютер, и в ответственный момент оставлять его без догляда нельзя.

Тем не менее, у нас все в порядке. Земля уже за кормой, затем «Стриж» выходит из плоскости эклиптики, нацеливается тупым своим носом куда-то в район Плеяд и начинает разгон до той скорости, которая позволит ему уйти в гиперпространство. Или, как говорят космонавтики, в «кисель». Значит, у нас теперь ровно девять часов свободного времени. На все хватит.

Меня будит сигнал «подъем!».

Открываю глаза и смотрю на часы. Все правильно — сорок пять минут до расчетного срока перехода в «кисель». Как раз встать, принять душ, одеться и выпить чашку чая. Ни кофе, ни еда перед входом в гиперпространство не рекомендуются — может стошнить. Причем совершенно не важно, лопухий ты щенок или опытный космический волчара — время от времени блюют все. Можно десять раз подряд входить в «кисель» и чувствовать себя при этом совершенно нормально. А на одиннадцатый — на тебе: тошнота и рвота до выворачивания желудка наизнанку. И никто не знает, какими именно причинами обусловлена данная реакция организма. Те же медики, например, утверждают, что все это причуды нашего подсознания и ничего больше. Возможно, так оно и есть, спорить не стану. Но то, что скачок в

гиперпространство — штука в целом для человека неприятная, это точно. Да и находиться долго в «киселе» тоже, скажу вам, — это не на пляжах Эдема валяться.

Кстати, о «валяться». Я кошусь влево и вижу, что Ирина тоже уже проснулась и смотрит на меня. Все-таки удивительной синеве у нее глаза. Да и все остальное тоже... удивительное. Как выяснилось.

— Встаем? — спрашивает она.

Вообще-то, спать со стажерами Устав не запрещает. Особенно, если стажер противоположного пола. Но случается это, насколько мне известно, не часто. И дело даже не в том, что мешают всякие там негласные правила (хотя и они тоже — курьер, переспавший со стажером, невольно отнесется к его работе менее объективно). Просто заниматься сексом в гиперпространстве весьма проблематично. Конечно, некоторые, особо одаренные, все-таки ухитряются скрасить, таким образом, свое пребывание в «киселе». Но это — особо одаренные. А мы говорим о нормальных людях. Нормальному же человеку в «киселе» даже мысль о сексе в голову не приходит. Не до секса, знаете ли, — тут лишь бы остатки позитивного отношения к жизни в душе не растерять. И главное, что как лекарство секс в гиперпространстве тоже не действует. Обычно как бывает? Хреново человеку, находит он себе партнера или партнершу и в койке хотя бы на время забывает о том, что ему хреново. Раз забылся, два забылся — глядишь, и вылечился. Снова глаза блестят и ноги пружинят. А в «киселе»? В точности наоборот. Покувыркаешься с партнершей (пусть даже и виртуальной) и кажется, что вообще последнюю энергию психическую на это дело утратил — вешаться впору. А уж если это живой человек...

И все-таки уж очень быстро у нас это с Ириной получилось. А главное, что я так и не понял, кто был главным инициатором. Наверное, оба хороши. По максимуму использовали подходящее свободное время.

Выход из гиперпространства — всегда праздник. Кто не испытывал, тому не объяснишь, а кто знает, тому и рассказывать не надо. Отдаленно это похоже на внезапное выздоровление. Еще вечером тебя колбасило и плющило по всей программе, а утром проснулся — за окном солнышко светит, голова ясная и жрать охота.

— Ох! — в голосе Ирины восхищение смешивается с облегчением. — Наконец-то. Красота то какая, Господи!

Еще бы. Светило, вокруг которого обращается Гондвана, — первая, а также самая крупная и процветающая колония землян в Дальнем Космосе, расположено гораздо ближе к центру галактики, нежели наше Солнце, а чем ближе к центру, тем в небе от звезд теснее.

Вынырнули мы в расчетной точке, и теперь до Гондваны оставалось не более двух суток пути на максимальной ядерной тяге с соответствующим ускорением и работающими на полную мощность гравигенераторами. Но сначала, как и положено, следовало установить связь и сообщить, кому следует, что курьер Григорьев и стажер Родина прибыли в вышеупомянутую расчетную точку и выйдут на орбиту Гондваны в соответствии с утвержденным графиком.

— Ну, давай, — предлагаю, — стажер, действуй. А я посмотрю.

Ирина хмыкает, ее тонкие пальцы танцуют по клавиатуре на пульте, и не проходит и пятнадцати секунд, как мы уже на нужной волне.

— Гермес — Первограду, Гермес — Первограду, — милый голосок моего стажера приобретает официальные нотки. — Здесь курьер Сергей Григорьев и стажер Ирина Родина. Миссия Курьерской службы Земли. Ждем ваших указаний. Прием.

Она еще раз повторяет сказанное и переключается на прием. Теперь нужно ждать полчаса, пока нам ответят. Долго, конечно. Но с тех пор, как их открыли, радиоволны быстрее распространяться не стали, а сверхдальняя связь эффективна лишь на расстояниях, превышающих миллиард

километров. До Гондваны же и ее столицы Первограда от нас около двухсот семидесяти миллионов.

— Может, кофе? — спрашивает Ирина. — С вкусным бутербродиком, а?

За кофе и бутербродами (хм, действительно, вкусно, у меня так не получается) тридцать минут проходит незаметно, и вот мы снова — все внимание. Однако никакой связи не происходит. Тридцать пять минут. Связи нет. Сорок... пятьдесят... эфир молчит.

— Что за черт...

В две головы и четыре руки проверяем системы. Все в порядке. Компьютер подтверждает, что сигнал ушел в нужном направлении. Потерялся по дороге? Так не бывает. Кладу пальцы на клавиатуру и уже лично повторяю всю процедуру заново.

— Гермес — Первограду, Гермес — Первограду. Здесь курьер Сергей Григорьев и стажер Ирина Родина. Миссия Курьерской службы Земли. Почему не отвечаете? Почему не отвечаете? Ждем ваших указаний. Прием.

Следующие полчаса я занят тем, что веду интенсивный радиопоиск на всех доступных волнах. Точнее, поиск ведет бортовой компьютер, а мы с Ириной слушаем. Но слышим лишь вой, шорох и свист помех и не находим ни малейшего признака того, что в этом районе галактики Млечный Путь на четвертой от местного светила планете уже почти девяносто лет процветает шестнадцатимиллионная колония землян, оснащенная всеми техническими достижениями и средствами нашей цивилизации. Включаю радио.

После третьей и такой же бесполезной, как и две предыдущие, попытки связаться, я задаю компьютеру программу автоматического радиопоиска во всех доступных диапазонах, откидываюсь в кресле и разворачиваю его к Ирине.

— Ну что, — спрашиваю, — есть какие-нибудь идеи?

— Не нравится мне это, командир, — сообщает она.

Во как, думаю, сразу и командир.

Хотя по инструкции должна называть меня «старший». Но командир — это хорошо. Меньше проблем, если что. Хотя, кажется, этих проблем у нас уже выше крыши.

— Мне это тоже не нравится, — я забрасываю руки за голову, демонстрируя великолепную беспечность опытного космического бродяги. — Но я тебя не о твоих ощущениях спрашиваю. Я спрашиваю, есть ли у тебя по этому поводу какие-то идеи?

— Послушай... Сережа, — после некоторой паузы говорит она, — если это такая вводная для проверки моей профпригодности, то обязанности и порядок действий курьера в подобных случаях я помню, не волнуйся.

— Подобных случаях? — приподнимаю я брови. — Странно. Насколько я помню инструкцию, там ни о чем таком не сказано.

— Отчего же? — не соглашается Ирина. — Если нам не отвечают, то можно легко предположить, что на Гондване что-то произошло. Например, какая-нибудь глобальная катастрофа, в результате которой любые рукотворные источники электромагнитного излучения утратили возможность нормально функционировать.

— Гладко излагаешь, — киваю. — Продолжай.

— Если предположить, что это так, а ничего иного я пока предположить не могу, — то нам, курьерам, согласно инструкции, следует послать на Землю соответствующее сообщение, затем, не подвергая себя напрасному риску, узнать, что к чему, и немедленно возвращаться домой.

— Стоп, — поднимаю ладонь. — В инструкции сказано — передать сообщение и немедленно возвращаться. Без всякого там «напрасного риска» и «узнавания, что к чему». Что за отсебятина, стажер?

— И ничего не отсебятина, — пожимает Ирина плечами. — Ты же сам просил идеи, вот я и генерирую. Что мы собираемся передавать на Землю? Что нет связи, и мы, согласно инструкции, немедленно возвращаемся? Да над нами вся обитаемая вселенная будет хохотать. До упаду.

Тут я с ней был согласен. Инструкция инструкцией, но прослать трусом мне совершенно не хотелось. Тут ведь еще и менталитет надо учитывать. Будь на моем месте, скажем, тот же американец, и прими он в такой ситуации решение вернуться на Землю, никто бы и слова не сказал. Пожали бы плечами и забыли. Но мы-то с Ириной русские! А русские — известные на всю галактику нарушители всех и всяческих инструкций. Русский скорее выговор в личное дело схлопочет и даже временное отстранение от профессии, чем пойдет на попятный, не узнав предварительно, что, собственно, произошло, и не нужна ли его помощь. Тем более, находясь рядом с Гондваной, из шестнадцатимиллионного населения которой, как минимум половина — этнические русские.

— Да, — соглашаюсь я, немного поразмыслив, — все правильно. Значит, идем к Гондване. Но сообщение на Землю я все-таки передам.

— Ты старший, — мило улыбается Ирина, — тебе виднее.

Погода в этой части Восточного материка (на Гондване два материка, расположенных неподалеку друг от друга, очертания которых чем-то напоминают человеческие легкие в разрезе) отличная, и мы садимся без всяких проблем.

Космодром Первограда встречает нас безмятежной тишиной. Никого. Десятка три кораблей разных типов греются под солнцем на взлетном поле, строения космопорта высятся километрах в пяти, над нами — синее небо без единого облачка, под нами — стандартные керамлитовые плиты космодрома. И — все. Ни малейшего признака людей.

— Хоть бы электрокар какой поблизости... — оглядывается по сторонам Ирина.

— Ничего, — усмехаюсь я. — У нас такая профессия — расстояние преодолевать. Хоть бы и на своих двоих.

Искомый электрокар мы обнаруживаем метров через семьсот. Он прячется за тушей грузового планетолета,

и от «Стрижа» его было не разглядеть. Машина на ходу, и вскоре мы лихо подкатываем к центральному зданию космопорта.

— Может быть, стоило махнуть сразу в город? — неуверенно спрашивает Ирина перед самой дверью служебного входа.

— Зачем? — спрашиваю я в ответ. — Здесь хотя бы записи в диспетчерской должны сохраниться — глядишь, и помогут хоть что-то понять. А в пустом огромном городе что делать? Из дома в дом бродить?

— Тоже правильно, — вздыхает она. — Но мне как-то не по себе.

— Мне тоже, — признаюсь, — если это тебя хоть как-то утешит.

— Еще бы не утешит, — говорит Ирина. — Вдвоем бояться куда веселей.

И первой хватается за ручку двери. Но тут уж я ее мягко отстраняю и осторожно тяну дверь на себя.

За восемь лет службы в КСЗ я попадал в разные ситуации — от комичных до по-настоящему опасных. Но настолько не в своей тарелке ощущал себя впервые. Одно дело, когда ты находишься в месте, где людей и не должно быть по определению — в глухом лесу, например, или в пустыне. И совсем иное, когда бродишь по громадному зданию космопорта, где жизнь должна бурлить и днем, и ночью. Но не бурлит. Мало того, нет даже малейшего намека на то, что она здесь хотя бы теплится. Ни-ко-го. И тишина. В дешевых романах про такую пишут: «мертвая». Зря пишут. Потому что мертвцов тоже нет. В общем, космопорт без людей — это весьма удручающее зрелище, можете мне поверить. Особенно, когда ты уже начинаешь понимать, что людей, скорее всего, нет и в городе. Да и на всей планете, если уж на то пошло.

Мы наскоро осматриваем все четыре этажа главного здания (на это у нас уходит два с половиной часа) и, наконец, завершаем свой обход в диспетчерской.

Диспетчерская, по давней традиции, идущей еще от строительства аэропортов прошлого, расположена в

башне-надстройке на крыше, и отсюда открывается красивый вид на окрестности. Да только любоваться местными пейзажами особого желания у нас не возникает.

— Послушай, — доходит наконец до Ирины, — а как ты собираешься записи диспетчерские просматривать и слушать? Тока-то нет!

— Зато у нас на «Стриже» есть, — говорю. — Возьмем, сколько унести сможем, вернемся на корабль и в спокойной...

Договорить я не успеваю, потому что воздух в диспетчерской подергивается едва уловимой рябью, в которой вспыхивают и гаснут тысячи и тысячи микроскопических искр.

— Ай! — вскрикивает Ирина и хватается за меня. — Что это, Сережа?!

— Уходим, — команду, изо всех сил пытаюсь выглядеть спокойным и уверенным.

Медленно мы отступаем к выходу, и тут рябь вместе с искрами исчезает, а в диспетчерской появляются люди.

Как в кино.

На предыдущем кадре пусто, а на следующем все уже сидят по своим рабочим местам. Хлопают глазами, недоуменно оглядываются. Кто-то с силой трет лицо ладонями, кто-то энергично трясет головой. У меня же в голове нет ни одной мысли — одни эмоции, но я быстро, на полном автомате, тяну Ирину за дверь. Пока в диспетчерской не очухались и не обратили на нас пристальное внимание.

Чуть не бегом мы спускаемся по лестнице и попадаем на галерею четвертого этажа, откуда здание космопорта просматривается сверху донизу. И куда мы только не обращаем взор, всюду видим людей. Пассажиров. Технический персонал. Пилотов. Служащих аэропорта.

Многие выглядят несколько обескуражено, но большинство, как ни в чем не бывало, торопятся по своим делам с самым целеустремленным видом. А когда через пять минут во всем здании наконец возобновляется подача электроэнергии, космопорт окончательно принимает свой нормальный каждодневный облик, и ничего

уже не напоминает нам с Ириной о том, что еще и пятнадцать минут не прошло с того момента, как здесь не было ни единой живой души.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спрашивает Ирина.

Я смотрю в ее синие глаза и вижу, что стажер мой, конечно, изрядно испуган, но вполне владеет собой и в панику или тем более истерику ударяться не собирается.

— Нет, — отрицательно качаю головой. — Не имею ни малейшего понятия, что здесь произошло. Люди исчезли неизвестно куда, неизвестно когда и неизвестно на сколько. Это единственное, что я знаю. Впрочем, как и ты.

— Я еще знаю, что они неизвестно откуда снова появились, — говорит Ирина с преувеличенно серьезным видом.

Мне требуется пара секунд, чтобы среагировать и засмеяться. Ирина смеется вместе со мной.

— Так что будем делать, командир?

Хороший вопрос. Знать бы еще на него ответ...

Не с чего ходить — ходи с бубен, говорят преферансисты. Не знаешь, как поступить — действуй по служебной инструкции, гласит курьерский (и не только) опыт. А по инструкции что положено? Верно. Доложить о прибытии по команде, доставить пакет с документами по назначению, принять, буде потребуется, груз на Землю и точно в срок отправляться домой. Значит, так и поступим. Тем более что ничего более разумного я в данный момент придумать не могу.

Так я Ирине и говорю. Она явно удивляется, но молчит. Черт возьми, с чего это шеф и я вслед за ним решили, что у нее стержневой характер? Золото, а не стажер. Не говоря уже о чисто женских качествах.

Для того чтобы провести все, как положено, нам приходится быстренько вернуться на «Стриж» и сделать вид, что мы практически только что сели и ничего не знаем. Шито белыми нитками, разумеется, но с учетом общей неразберихи проходит. Главный

диспетчер, правда, делает попытку вникнуть в ситуацию, но я советую ему сначала разобраться со службами энергообеспечения космопорта, а уж потом приставать с дурацкими вопросами к Курьерской службе Земли.

— Сверхсрочный пакет вашему правительству, — объясняю нарочито казенным и скучным голосом. — Статус «экстра». И меня совершенно не волнует, есть у вас электропитание или нет. У меня на корабле оно есть, и этого вполне достаточно. Как видите, я и сам прекрасно сел. Ничего, и не такое бывало. Опять же, я не из болтливых, докладывать о происшедшем на Землю и подставлять вас мне нет никакого резона.

Главный несколько секунд раздумывает, но потом машет рукой и дает «добро» на выход.

— Слушай, — спрашивает Ирина, когда лицо главного диспетчера пропадает с экрана, — все-таки я не понимаю, зачем этот спектакль?

— Какой спектакль?

— Да вот этот, который ты только что разыграл.

— А как ты хотела?

— Ну... может, стоило рассказать им в чем дело? Поставить в известность...

— Господин стажер, — перебиваю, — курьер должен думать. Понимаете? Думать. А не только дюзам и ногами шевелить.

— Я и думаю, — обижается Ирина.

— Что-то не заметно, — вздыхаю я.

— Хорошо, давай попробуем разобраться. Тем более, ты стажер, и это входит в мои обязанности.

— Какие?

— Помочь тебе разобраться. Скажи мне, что ты видела в космопорту?

— В каком смысле? — не понимает Ирина.

— В прямом. Давай, рассказывай по порядку. Начиная с того момента, когда в диспетчерской появились люди.

Ирина хмурится, отчего между бровей пролегает неглубокая вертикальная морщинка.

— Ну... люди были явно не в себе. Но мы быстро вышли и... Подожди!

Большинство из них мужчины, верно?

— Точно, — киваю поощрительно.

— Если они куда-то внезапно исчезли на двое суток или даже больше, то почему были выбриты, когда снова появились? И еще — одежда. Слишком она свежая. Как будто люди только что на работу из дома пришли, а не пропадали невесть где и неизвестно сколько. А? — Ирина улыбается и по-бедно смотрит на меня.

— Молодец, — я несколько раз медленно хлопаю в ладоши. — Умница. И наблюдательность имеется. Теперь переходим к выводам.

— Каким?

— Тем, которые следуют из твоих наблюдений, каким же еще. Давай излагай.

— Э-э... — мой стажер в явном замешательстве. — На самом деле они отсутствовали гораздо меньше двух суток?

— Почему тогда не выходили на связь?

— Ну, всякие могут быть причины...

— Не уходи в сторону. В данном случае не это важно.

— А что?

— Это я от тебя хочу услышать.

— Когда мы выскочили из диспетчерской, — она снова хмурит брови, — то через некоторое время увидели других людей. Разных. Многие из них явно успели прийти в себя — это было заметно. Да и подача энергии возобновилась довольно скоро. Это говорит о том, что люди приступили к работе и... О! Все ясно! Они не поняли, что с ними произошло, верно? Подумали, что на всех нашло какое-то затмение. Нечто вроде массового кратковременного сна. Или потери сознания. Мало ли? Может, в атмосфере произошло какое-то непонятное явление. Или в питьевую воду что-то попало... В общем, решили, что специалисты со временем во всем разберутся и все объяснят, но работу космопорта в штатном режиме следует возобновить в первую очередь. И они принялись возобновлять. Да, теперь понятно, отчего мы вернулись на ко-

рабль. Они бы нам просто не поверили, да? И слишком много времени и сил ушло бы на объяснения.

— И это тоже, — вздыхаю. — Ладно. Будем считать, что этот экзамен ты сдала на «хорошо».

— А почему не на «отлично»? — прищуривается Ирина.

— Чтобы не зазнавалась, — подмигиваю я.

До Первограда мы добираемся на служебном флаере, который любезно предоставила администрация космопорта на все время нашего пребывания на Гондване. Видимо, самовольно присвоенный мной статус «экстра» возымел свое действие. Хорошо еще, что никто не удосужился проверить этот статус на самом деле, а то не миновать бы мне неприятностей. Впрочем, победителей не судят, а без толики нахальства хорошему курьеру не обойтись.

Я сажаю флаер на площадку для служебного транспорта возле Дома Правительства, и мы с Ириной выбираемся наружу.

На Гондване вообще и в Первограде в частности я был четыре раза. Это — пятый. Но сейчас мне хочется увидеть знакомую площадь перед Домом Правительства, как в первый раз — свежим взглядом, на который еще не наложились привычные образы из памяти. И такой взгляд у меня имеется. Это взгляд Ирины.

— Осмотрись внимательно вокруг, — предлагаю. — И скажи, если заметишь что-нибудь необычное.

— Хорошо, — соглашается она.

Я тоже смотрю.

Так. Монумент Пионерам — женщина с маленьким ребенком на руках и, стоящий на полшага сзади, словно охраняющий их мужчина, с охотничьим карабином на плече — там, где и был, в центре площади. Та же классическая бронза и тот же гранитный постамент с титановой пластиной, на которой выгравированы несколько десятков имен первых колонистов.

Тенистая красивая аллея, опоясывающая площадь с трех сторон. Проспект Колонистов — главная улица

Первограда — за моей спиной, и еще две поменьше — справа и слева от Дома Правительства — к ней примыкают. Вроде все, как обычно. Будний летний день. И люди вокруг тоже, на первый взгляд, обычные. Идут, стоят и разговаривают, заходят в магазины и кафе, сидят на лавочках... Стоп.

— Я не вижу детей, — говорит Ирина. — Это нормально? Пять минут стоим, и никого моложе четырнадцати-пятнадцати лет в поле зрения. А ведь сейчас здесь лето, школьные каникулы.

— Очень хорошо, — я поощрительно дотрагиваюсь до ее локтя. — Это совершенно не нормально. Обрати внимание на эти лавочки-скамеечки на аллее. Обычно там сидят мамы, бабушки или няни с колясками — это традиционное место их променада. А сейчас я ни одной не замечаю.

— Может быть, просто день такой?

— Да уж, день, прямо скажем, совсем не простой. Одно утро чего стоит. Ладно, пошли внутрь. Пришло время пообщаться с местной бюрократией.

Действуй я обычным путем, через общий отдел, мой пакет добирался бы до руководителя Департамента внешних связей не один день. И еще не известно, попал бы он к нему или застрял на уровне заместителя. Но мне необходимо было убедиться, что документы попали именно к начальнику. Лично. Иначе отправителю не стоило и затеваться с КС, можно было бы и обычной почтой обойтись.

Конечно же, немедленно выяснилось, что руководитель Департамента на совещании и вызвать его оттуда нет никакой возможности.

Об этом нас поставила в известность секретарша — худощавая блондинка лет тридцати пяти со следами былой миловидности на тщательно ухоженном лице.

При этом она даже не подняла голвы от монитора.

Уж не знаю, чем она была так увлечена, составлением графиков, разбором почты или «Выйти замуж за миллионера» — любимой игрушкой всех секретарш обитаемой вселенной, но подобное отношение к собственной

персоне и персоне моего стажера мне очень не понравилось. Поэтому я просто взялся за монитор ее компа и развернул его к себе экраном.

Ну, конечно. «Выйти замуж за миллионера». Этап «Случайная встреча».

— Очень жаль, — говорю, пока блондинка подыскивает слова и хлопает ресницами (а глаза-то у нее на самом деле ничего, хоть и голубые, но вполне осмысленные). — Но вы пошли по неверному пути. Улица для случайной встречи не лучший выбор, поверьте. Кажется, что так проще, но это только кажется. На вашем месте я бы узнал сначала, какой у него любимый магазин. Понимаете?

— Магазин, — чуть нахмурилась она, и тут же лицо ее разгладилось. — Ну да, конечно! Вы хорошо знаете эту игру?

— Сам не играю, — дружелюбно улыбаюсь я. — Но у меня такая профессия, что приходится довольно часто наблюдать, как играют другие.

Тут она наконец замечает мою куртку с Гермесом на рукаве, и в ее глазах загорается огонек интереса. «Выйти замуж за миллионера» — игрушка, конечно, занимательная, но... Впрочем, тут же в поле ее зрения попадает Ирина, и я, дабы не утратить преимущества, доверительно наклоняюсь вперед и представляюсь:

— Курьерская Служба Земли к вашим услугам. Сергей Григорьев, курьер. Ирина Родина, стажер. Любить не обязательно, но жаловать прошу.

— Русские, — констатирует секретарша с непонятной интонацией. — А я Джейн, секретарь.

— Очень приятно, — искренне общаю я. — Джейн, вы, я вижу, человек неглупый и понимаете, что по пустякам курьера с Земли не посылают. У меня пакет для вашего начальника, который я должен как можно скорее передать ему в руки. Лично. Иначе неприятностей не миновать. И ему, и мне. Ему за то, что игнорировал пакет, переданный с Курьерской службой, а мне за отсутствие инициативы и настойчивости, — тут я подмигиваю блондинке и с удовольствием вижу,

как на ее щеках проступает слабый румянец. Но рядом со мной Ирина, и я вынужден притормозить.

— Так он точно на совещании, Джейн? — спрашиваю тоном старого знакомого.

— Минут двадцать, как началось, — отвечает она. — Совещание внеплановое, так что я даже предположить не могу, сколько оно продлится. Может, час. А может, и все два или три.

— Мало удовольствия торчать столько времени в приемной, — вздыхаю. — Тем более что вам надо... э-э... работать, а мы будем только мешать. С другой стороны, и начальника вашего упускать не хочется. Вдруг мы явимся через два часа, а его и след простыл. Улетел на соседний континент по срочной необходимости. Может такое быть?

— Вообще-то, нет, — ответила Джейн и, посмотрев мне прямо в глаза, с едва заметным англосаксонским ехидством добавила: — Но раз вы такой осторожный, то и рисковать не стоит.

— Послушайте, Джейн, — говорю, — не в службу, а в дружбу. Вы не могли бы звякнуть мне сразу, как закончится совещание? На мобильный. Честно говоря, мы с Ириной чертовски голодны. Сжальтесь над космическими скитальцами, преодолевшими бездну световых лет ради встречи с вашей чудесной планетой, замечательным городом и лично вами, а?

— Не мытьем, так катаньем, — усмехается Джейн. — Кажется, у русских есть такая поговорка?

— Есть, — подтверждаю. — Рад встретить красивую женщину столь хорошо освещенную в русском фольклоре. Хотя здесь, на Гондване, это, скорее, естественно. Русских тут много.

— Да, — подтверждает она, — много. А у меня еще и муж был русский. Он погиб два года назад. Но у нас... у меня... — она снова хмурится, отчего между бровями обозначаются две вертикальные морщинки, трет двумя пальцами лоб и как-то очень беспомощно смотрит на меня. В ее голубых, словно небо севера, глазах я читаю не-

шуточную растерянность.

— Ох, — бормочу, — простите, ради бога. Я не хотел...

— Нет, — говорит она. — Вам не за что извиняться. Просто... Странно. Мне показалось, что я хотела сказать что-то важное. Важное для меня. И в самый последний момент забыла. Представляете?

— У меня так часто бывает, — вступает в разговор Ирина и, как мне кажется, очень к месту. — Я даже советовалась по этому поводу с психологом нашего училища. Сами понимаете, профессия курьера не терпит забывчивости, и я очень по этому поводу беспокоилась.

— Как интересно! — восклицает Джейн, и видно, что ей действительно интересно. — И что вам сказал психолог?

— Ложная забывчивость. То есть нам часто только кажется, что мы забыли нечто важное, а на самом деле — пустяк, о котором не стоит и говорить. Так бывает, например, когда очень серьезно относишься к своим обязанностям. И вообще... бывает. Нейроны в мозгу случайно перепутались, и сигнал пошел не туда. Нужно потряхнуть головой, и все встанет на свои места.

— Шутите, — улыбается Джейн.

— Насчет нейронов — да, — улыбается в ответ мой стажер. — А насчет всего остального — чистая правда.

— Хорошо, — решает наконец вопрос в нашу пользу Джейн. — Давайте ваш номер... Сережа.

Мы выходим из Дома Правительства, и я поворачиваю налево. Действительно хочется есть, а здесь неподалеку я знаю один бар с незатейливым названием «У Сэма», где кормят вкусно и недорого. Да и хозяин бара, которого на самом деле зовут Питер (Сэмом звали его покойного отца), мне тоже знаком. А кому лучше барменов известны все последние городские новости? Разве что репортерам, но с этой братией здесь, в Первограде, да и вообще на Гондване мне ни разу общаться не довелось.

— Куда мы сейчас? — спрашивает Ирина.

— Обедать, — отвечаю. — Не знаю, как ты, а я что-то проголодался. Все эти волнения пробудили во мне изрядный аппетит.

— Естественная реакция здорового организма, — кивает мой стажер. — Но не должны ли мы были все-таки дожидаться господина начальника Департамента? Насколько я помню инструкцию...

— Очень рад, что ты ее помнишь, — говорю. — Несмотря на приступы ложной забывчивости. Кстати, молодец, что удачно вступила в разговор. Очень мне помогла.

— А ты заметил, — спрашивает Ирина, удачно делая вид, что похвала ее не слишком волнует, — как эта Джейн замялась? Она ведь на самом деле забыла, что хотела сказать. И забыла действительно что-то важное.

— Я даже, кажется, догадываюсь, что именно, — бормочу.

— И я, — подхватывает мой проныцательный стажер. — Она, видимо, хотела упомянуть о своем ребенке. Во всяком случае, очень было на это похоже.

— Умница, — снова не скуплюсь на похвалу. — Хорошо соображаешь. Я о том же подумал. Но не следует забывать, что это всего лишь наши предположения. И все-таки. Если речь должна была пойти именно о ребенке, то вырисовывается крайне интересная и в то же время тревожная картина.

— Дети пропали! — трагический шепот Ирины, кажется, слышен на другой стороне улицы. — На всей планете. А взрослые об этом не помнят!

— Жуть, — согласился я. — Только не забывай, что сначала пропали все. И дети, и взрослые.

— Но взрослые вернулись, а дети — нет, — продолжила Ирина. — Я помню. Толку, правда, от этого никакого. Меня, вообще-то, учили на курьера, а не на сыщика. Тебе не кажется, что мы занимаемся не своим делом?

— А мы разве чем-то еще занимаемся, кроме выполнения своих прямых обязанностей? — удивляюсь я. — Начальник, который нам нужен, отсутствует, и мы ждем. Вот и все. Не

вижу, отчего бы не скрасить время ожидания разгадыванием загадок и даже тайн. Что же касается профессии курьера, то в нашей жизни всякое случается, уж поверь. Иногда и сыщиком быть приходится. И не только.

«У Сэма» в этот час пусто. Лишь в углу сутулится за кружкой пива какой-то посетитель, чье лицо скрыто полями низко надвинутой на глаза мятой шляпы. Хозяин заведения Питер, обладатель роскошных усов и объемистого живота, при нашем появлении откладывает в сторону газету и приветливо улыбается.

— Серж! — восклицает он. — Какими судьбами? Давненько тебя не видно.

— Здравствуй, Пит, — мне приятно его внимание и то, что он помнит мое имя. — Судьба наша курьерская, сам понимаешь, от нас не зависит. Куда пошлют, туда и мчимся.

— Можно подумать, у кого-то она другая, — философски замечает Пит. — Кто это с тобой? Всех красивых девушек в городе я знаю.

Мы присаживаемся за стойку, и для начала я заказываю две кружки легкого местного пива. С одной стороны, мне нужно поговорить с Питером, а с другой — я на службе и употреблять более крепкие напитки не имею внутреннего права. Да и рановато еще для крепкого, в любом случае.

— Ну, тебе-то на судьбу грех жаловаться, — замечаю. — Сам себе хозяин. А девушку зовут Ирина. Курьерская служба Земли. Стажер. Вот, Ирина, познакомься с Питером. Он — лучший бармен в городе. А значит, ты можешь в его заведении не только всегда рассчитывать на вкусную еду и приятную выпивку, но и на искреннее участие. В случае нужды, разумеется.

— При этом участие исключительно за счет заведения, — добродушно улыбается в усы Пит.

— Спасибо, — вежливо говорит Ирина. — Очень рада знакомству.

Мы делаем по глотку пива. Как всегда у Пита, оно свежее и в меру холодное.

— Ну, какие новости в городе и окрестностях, Пит? — спрашиваю не-

брежно. — Как ты верно заметил, давненько я не был на Гондване.

— Хм, новости... — хмыкает бармен. — Кому и прыщ на заднице новость. Про Черное Яйцо слышали?

— Нет, — качаю головой. — Что за Черное Яйцо? У кого?

— Пошляк, — фыркает Пит. — Рядом с тобой прелестная дама. Постеснялся бы.

— Не беспокойтесь, Пит, — говорит Ирина. — Я привыкла. Но все равно спасибо.

— И потом, — вставляю, — Ирина, в первую очередь, стажер, без пяти минут курьер. А уж потом дама. К тому же твое упоминание прыща на заднице, согласишься, тоже не отнести к образу высококого стиля.

— Эх, молодежь, — вздыхает Питер, который всего-то на десяток лет старше меня. — Ничего-то вы не понимаете. Дама — это всегда дама. Именно в первую очередь. А уж потом все остальное. Что же касается прыща...

— Мы отвлеклись, Пит, — напоминаю.

И Питер рассказывает, что около двух недель назад при рытье котлована под фундамент нового жилого дома на восточной окраине Первограда строители наткнулись на очень странную штуку...

— Представь себе куриное яйцо, — для наглядности Питер лезет в холодильник и выкладывает перед нами то, о чем идет речь. — Вот точно такое же, как это. Только больше раз... в сто. А может, и в сто пятьдесят. И абсолютно непроницаемо черного цвета! И твердое, как... не знаю что. Алмазные сверла ломаются. Да ладно сверла, лазер промышленный, который базальт режет, что твое масло — и тот его не взял.

Бармен умолкает и смотрит, какое впечатление произвели его слова.

— Интересно, — говорю. — И что дальше?

— А ничего, — сообщает Пит и убирает куриное яйцо обратно в холодильник. — Так и не выяснили, что это такое. Ученые из университета несколько дней с ним возились. И кис-

лоты разные пробовали, и ультразвук, и рентген, и бог знает, что еще. Все без толку. Загадка природы. Теперь, говорят, послали сообщение на Землю и ждут комиссию. А что комиссия сделает, если даже с помощью гравигенератора поднять из котлована его не могут? Не действует на него гравигенератор. Так оно там и лежит. Как в гнезде. Ты можешь себе представить предмет, который нельзя было бы оторвать от земли при помощи гравигенератора? Вот и я раньше не мог. А теперь такой предмет есть. И я его видел своими глазами. Еще пива?

Тут я замечаю, что моя кружка пуста и говорю:

— Давай. Вообще-то мы к тебе поесте зашли. Отбивные нам сделаешь?

— Нет проблем, — отвечает Пит, наливая мне вторую кружку. — Фирменный салат?

— Пожалуй. И рис на гарнир. Такой, как ты умеешь. Чтобы зернышко к зернышку.

— Тогда садитесь за столик, а я пойду распоряжусь, — говорит Пит и, не торопясь, направляется к двери, ведущей на кухню и в подсобные помещения.

— Слушай, Пит, — спрашиваю его в спину. — А почему сегодня в городе не было электричества, не знаешь?

— Говорят, на электростанции какие-то неполадки, — оборачивается через плечо бармен. — Временный сбой, уже все наладили.

Мне хочется задать еще несколько вопросов. Например, почему я не вижу в городе детей младше четырнадцати-пятнадцати лет? Или не заметил ли он, что некоторые продукты в его холодильнике за то недолгое время, что отсутствовала электроэнергия, успели испортиться? И не видел ли он чего-нибудь странного пару часов назад? Хочу, но не задаю. Потому что, насколько мне известно, у самого Питера детей нет, и вряд ли он обращает внимание на чужих. А холодильник... Почем мне знать, может, у Питера автономная система аварийного питания, которая автоматически включается и выключается, когда надо? Что же касается чего-либо странного, то

меньше всего я собираюсь прослыть тут человеком с чудачествами. На колониях таких не любят, будь они хоть трижды курьеры. Люди в массе своей не очень наблюдательны. Если бы Пит что-то заметил и счел нужным мне об этом поведать... Но он не поведал. Рассказал историю о Черном Яйце, и все. Очень интересная, кстати, история. Особенно в свете последних событий.

Все эти мысли теснятся у меня в мозгу, пока мы берем свои кружки и садимся за столик у окна. Однако не успеваю я взяться за свое второе пиво, как рядом с нами чудесным образом появляется господин Мятая Шляпа. Буквально две секунды назад он дремал себе в углу, и вот уже стоит у нашего столика и держит свой, выдавший многие виды, головной убор в левой руке у груди. Глаза у него заплавлены, а щек и подбородка давно не касалась бритва. Я уже понимаю, что сейчас воспоследует, и демонстративно вздыхаю.

— Да, — печально соглашается Мятая Шляпа. — У меня действительно нет денег заплатить еще за кружку пива, которая мне крайне необходима. Но, — он воровато оглядывается на стойку бара — не появился ли Пит, наклоняется чуть вперед и понижает голос до хрипловатого шепота: — Есть информация о том, что здесь произошло два дня назад, — тут он снова выпрямляется. — Если это вас, конечно, интересует.

Я молча подвигаю к нему свою нетронутую кружку. Господин Мятая Шляпа хватает ее свободной рукой, и мне кажется, что пиво из стеклянной посуды исчезает еще до того, как он поднесит ее ко рту.

— Благодарю, — выдыхает Мятая Шляпа, и до меня доносится сложный запах давно не чистеных зубов, вчерашнего дешевого виски и только что употребленного пива. — Сейчас вернется Пит и, если увидит, что я пристаю к посетителям, выгонит меня. Давайте сделаем так. Приходите через три часа в городской лесопарк и не забудьте прихватить бутылку «Джона Уокера». А лучше две. Дорогой не бе-

рите, я к нему не привык. И ждите меня на скамейке у входа.

— Зачем откладывать? — спрашиваю. — Садитесь с нами и рассказывайте, что знаете. А выпивку я вам закажу.

— Нет, — не соглашается он. — Давайте, как я говорю. Так будет лучше для всех. Все, мне пора. Не забудьте, ровно через три часа в городском лесопарке у входа.

С этими словами он нахлобучивает шляпу на голову и быстро исчезает. Вместе с ним исчезает и запах, что не может не радовать.

— Ф-фу, — морщит нос Ирина. — Никогда не понимала, как можно опускаться до подобного состояния.

— Для того чтобы понять, надо почувствовать. А чтобы почувствовать, надо самому побывать в этом, как ты говоришь, состоянии.

— Не приведи господь. Уж лучше я и дальше понимать не буду. Ты думаешь, он что-то знает?

— Очень вероятно. Вопрос только в том, что именно он знает, а что придумает в качестве платы за две бутылки «Джона Уокера». Для него это большая ценность.

Тут нам приносят еду, и мы на время прекращаем разговоры.

Звонок на мобильный раздается как раз в том момент, когда я расплачиваюсь. Махнув рукой Питу, чтобы он не беспокоился о сдаче, включаюсь.

— Алло, Сережа?

— Он самый, — подтверждаю. — Это вы, Джейн?

— Да. Можете идти прямо сейчас.

— Спасибо большое, — благодарю.

Начальник Департамента внешних связей мне, скорее, понравился. В первую очередь тем, что принял нас без малейшей задержки. Да и потом, когда я по всей форме передал ему пакет, он вел себя вполне по-человечески: предложил сесть, кофе (мы отказались), при нас вскрыл пакет и бегло ознакомился с документами. Собственно, действовал он совершенно разумно — услуги Курьерской службы Земли стоят дорого, и часто, если ответ можно подготовить достаточно

быстро, мы этот ответ и везем отправителю. За соответствующую небольшую доплату, разумеется.

Именно так все и складывается.

— Скажите, пожалуйста, господа курьеры, как у вас со временем? — поднимает на нас глаза начальник.

Я готов к этому вопросу и отвечаю не задумываясь:

— Максимум два дня. Считаю этот. Послезавтра утром мы обязаны покинуть Гондвану — это самый крайний срок. А в идеале — завтра.

— Отлично, — довольно хлопает он ладонью по столу. — Значит, постараемся успеть до завтра. Скажем, до... десяти часов утра. Думаю, этого времени мне хватит, чтобы подготовить ответ. Полагаю, вы не откажетесь его доставить?

Я смеюсь, показывая, что оценил нехитрую шутку.

— Очень хорошо, — его оптимизм и уверенность прямо таки искрятся в воздухе. — Вы где остановились?

— Пока нигде, — отвечаю. — Но теперь отправимся в гостиницу. Конечно, можно было бы переночевать на корабле, но, когда есть возможность, мы предпочитаем нашим каютам нормальные гостиничные номера с соответствующими удобствами.

— Понимаю. Тогда могу порекомендовать «Пионер». Это совсем рядом. Если возникнут какие-либо проблемы, звоните прямо мне, — и он протягивает свою визитку.

По меркам земных столиц Первоград — небольшой город. Даже маленький. Тысяч семьсот населения. Но в нем есть неброская красота и особый вольный дух, присущий большинству людских колоний на других планетах. Ирина впервые на Гондване, и я использую оставшееся до встречи с Мятой Шляпой время, чтобы показать ей город. Тем более что в нашем распоряжении есть флаер, и утомлять ноги не приходится. Стоит ли упоминать о том, что за время нашей экскурсии мы не встретили ни одного ребенка моложе упомянутых четырнадцати-пятнадцати лет?

Ровно за десять минут до назначенного часа мы прогулочным шагом

минуем главный вход в городской лесопарк, выполненный в виде трех изящных арок, и присаживаемся на первую же свободную лавочку сразу у входа.

И тут же видим, как вслед за нами с улицы на парковую дорожку молодая женщина с очень прямой спиной неспешно вкатывает детскую коляску.

— Оп-ля, — бормочу я. — Господин стажер, вынужден констатировать, что ваш куратор, если и не полный идиот, то личность весьма самонадеянная и склонная к поспешным выводам, основанным на непроверенных данных.

— Погоди-ка, — успокаивающе дотрагивается до моего плеча Ирина и подымается со скамейки как раз в тот момент, когда мамаша с коляской размеренным шагом проходит мимо нас.

Ирина делает вид, что ищет что-то в карманах своих джинсов и, как только женщина ее минует, заглядывает из-за ее плеча в коляску. Я вижу, как брови моего стажера недоуменно ползут вверх, после чего она садится рядом и некоторое время ошеломленно молчит. Затем Ирина наклоняется ко мне.

— В коляске нет ребенка, — тихо произносит она. — Там кукла.

Теперь очередь моих бровей ползти на лоб. Что они и делают.

— Ты уверена? — спрашиваю так же тихо.

— Абсолютно, — кивает Ирина. — Что я живого ребенка от куклы не отличу? Если хочешь, посмотри сам. Обгони ее, как будто торопишься по делу, и загляни мельком. Тебе хватит одного взгляда.

Некоторое время я смотрю в удаляющуюся спину женщины и затем решительно поднимаюсь, чтобы последовать совету Ирины. Лучше, как говорится, один раз увидеть...

— Все правильно, — раздается сзади надтреснутый голос. — Она действительно прогуливает куклу. Каждый день в одно и то же время.

Я оборачиваюсь, и вижу господина Мятую Шляпу, который, видимо, пошел по боковой тропинке и каким-

то образом услышал, о чем мы говорим. Хороший слух, однако, для человека в его состоянии.

— Зачем? — спрашиваю и с опозданием понимаю, что задал глупый вопрос.

— Не знаю, — пожимает плечами Мятая Шляпа. — Об этом, наверное, надо спросить ее доктора. У человека с головой не все в порядке, тут уж ничего не поделаешь. Но лично меня беспокоит не это.

— А что? — теперь уже спрашивает Ирина.

— Две вещи. Первая — это принес ли вы обещанный «Джон Уокер». И вторая — когда именно начнут сходиться с ума остальные жители этой планеты.

— Виски мы принесли, — говорю. — Так что остается только одна вещь. Вы, кажется, упоминали, что обладаете некоей информацией?

— Да, — кивает он. — Но, прошу вас, давайте отойдем в сторонку. Здесь совсем рядом есть подходящее место. Дело в том, что мне нестерпимо хочется выпить, но я стесняюсь людей.

— А мы тогда кто, по-вашему? — удивляется Ирина.

— Вы как бы уже партнеры, — поясняет Мятая Шляпа. — У нас с вами дело, ведь так? Так. Значит, вы должны принимать меня таким, какой я есть. Ну, теоретически хотя бы.

— Теоретически — так и быть, — соглашаюсь я. — Но предупреждаю. Сначала информация, потом — «Джон Уокер».

— Нет, — качает головой наш «партнер». — Сначала пара глотков «Джона Уокера», а уж затем информация. И это мое последнее слово.

Приходится опять согласиться, и Мятая Шляпа ведет нас за собой. Тропинка вскоре обрывается на укромной поляне, заваленной бревнами различной длины и толщины, а также давно засохшими и недавно срубленными ветками. Мятая Шляпа садится на одно из бревен и приглашающе указывает на соседнее:

— Садитесь. Это хорошее крепкое дерево. Здесь нам никто не помешает.

Он молча протягивает руку, я так же молча передаю ему бутылку. Глядя, как мистер (а может быть, герр, месье или сударь — кто его разберет) Мятая Шляпа открывает виски и, торопясь, делает свои пару (на самом деле три-четыре) глотков, успеваю подумать о том, что этот человек обладает какой-то странной харизмой. Казалось бы, опустившаяся личность, спившийся человек. А смотри-ка — я делаю практически все, что он скажет. То есть он командует, я подчиняюсь. Не наоборот. Даже интересно, отчего это так...

— Очень хорошо, — он утирает губы рукавом и смотрит на меня. — Сам-то глотнете? Давайте, нормальный виски.

— Спасибо, не хочется, — на самом деле я в последний момент удерживаю себя от того, чтобы принять его предложение.

— Брезгуете? Зря. Я ничем таким не болею.

— Я не брезглив. Просто не хочется, — повторяю, уже понимая, что харизма Мятай Шляпы продержалась ровно до того времени, как виски попал в его организм и сделал свое всегдашнее дело — глаза моего собеседника заблестели нездоровым блеском, лицо покраснело, на лбу выступил пот. — Так что там у нас с информацией?

— Когда вы прибыли на Гондвану, если не секрет? — задает он встречный вопрос.

— Сегодня утром.

— Садитесь практически наугад, а? — криво усмехается Мятая Шляпа.

— Да, радиосвязи не было, — осторожно подтверждаю я.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, — предлагает он. — И без того тошно. Тошно и страшно. Какая может быть радиосвязь, если нет людей? Или вы сели уже, когда они появились?

— Нет, — я смотрю в его слезящиеся глаза и вижу, что там плещется страх пополам с виски. — Когда мы сели, то людей не было совсем. А потом они вдруг появились. Все и сразу. У вас есть, что рассказать по этому поводу?

— Есть, и много, — он смотрит на бутылку в руке, явно раздумывая, не глотнуть ли еще, затем все-таки бережно ставит ее на землю и предупреждает. — Честно говоря, мне плевать, поверите вы или нет.

— Пока мы не услышали ровным счетом ничего, — напоминаю.

— Хорошо, — он все-таки не сдерживается, опять быстро прикладывается к бутылке и начинает говорить.

Меня зовут... впрочем, неважно, как на самом деле. Зовите Петровичем. Меня все так зовут, хотя на самом деле я не Петрович... Так вот, повторю еще раз: мне наплевать, поверите вы или нет. Но рассказать кому-то надо, а то я с ума съеду окончательно. Конечно, жизнь и сами видите, какая у меня, и крыша эта самая съезжает чуть не каждое утро. Но... все-таки я надеюсь, что шанс у меня еще есть. Опять же, если бы не виски, то, может, и вовсе бы никто и ничего не узнал. А так... В общем, набрался я вечером третьего дня до самых, что называется, бровей. Ничего не помню. Ну, или почти ничего. Как раз деньги были, поэтому начал как приличный человек — в баре у Пита. Да и где бы еще? Пит, Петрович, Петрович у Пита... Как это... символично, да? Дальше — завеса. Как всегда. Очнулся наутро здесь, на этом самом месте. У меня есть дом, не думайте, не все пока пропил. Но это место для меня... как бы это сказать... запасная посадочная площадка, в общем. Если я понимаю, что до дома не дойду, то на автопилоте попадаю сюда. Летом. Для зимы есть другая. Ну так вот. Очнулся я, значит. Состояние не буду свое описывать, неинтересно это никому, даже мне. По карманам пошарил — нашел какую-то мелочь. Ну, думаю, на пиво хватит, а там уж, как фишка ляжет. Вокруг — никого. Оно и понятно, сюда редко кто из приличных людей забредает. Разве что парочки, которым срочно нужно это... как его... страсть утолить, но тоже не всякую ночь. Да. Значит, пополз я к выходу. И тут заметил только, что тихо как-то вокруг. Шум городской сюда понятно мало доходит, но все-таки доходит. А

теперь я совсем ничего не слышу. Ни голосов, ни машин. Только птички кое-где посвистывают. Что за черт, думаю, может, воскресенье? Да нет, будний день, точно знаю. И даже помню, что среда. Хорошо. Добрался до выхода, вышел на улицу. Никого! Ни единого человека. Я — на соседнюю, оттуда — на проспект... Пусто. И тихо, как в могиле. Ни флаера в небе, ни шагов за углом, все закрыто, хотя, ежели по солнцу судить, часов десять уже, не меньше. Сказать, что перетрусил я — ничего не сказать. Пожалуй, один только раз в жизни было мне так же страшно — это когда я медленно тонул в зыбучих песках Мертвой и точно знал, что помощи ждать неоткуда. Все так, не всегда я был таким, каким вы меня видите сейчас. Ладно. Однако страх страхом, а опохмелиться хотелось все-таки сильнее, чем немедленно бежать из города со всех ног. Так что я заставил себя дойти до ближайшей круглосуточной забегаловки и, как следует, поправил здоровье. А затем уже сел там же за кружкой пива и стал думать. Не знаю, почему я сразу решил, что из города, а возможно, и с планеты за одну ночь исчезли все люди. Все, кроме меня. Решил — и все. Догадался. Потом догадка подтвердилась, но тогда, за столиком в забегаловке, я и без всякого подтверждения уже знал, что так и есть. И сразу, то есть сразу после пары кружек пива и нескольких глотков виски, подумал, что здесь не обошлось без Черного Яйца. Ну, этой самой находки на окраине, про которую вам Пит рассказывал. А что еще я мог подумать? Был, правда, вариант, что все это мне только блазнится в алкогольном бреду, и на самом деле лежу я сейчас в психушке, ремнями притянутый к койке и подключенный к аппарату, очищающему кровь от всякой гадости. Но этот спасительный вариант пришлось отместить после того, как я заставил себя позавтракать в той же забегаловке, и меня снова потянуло в сон. По опыту знаю, что сопротивляться организму в таких случаях не надо. Перебрался я на диванчик в углу и, когда опять проснулся, обнаружил,

что ничего не изменилось. Тишина и полное безлюдье. Разве что время уже послеобеденное и похмелье не такое страшное. Тут-то и понял окончательно, что не брежу. Не бывает при белой горячке такого пробуждения, — мне ли не знать... Глотнул я тогда еще для храбрости, прихватил бутылку с собой и отправился на восточную окраину, к этому котловану, где Яйцо лежит. Можно было флаер найти какой-нибудь или машину, чтобы быстрее, но я не спешил. И потом хотелось совсем уж убедиться, что нет в городе никого. Ну, что сказать... убедился. По дороге, правда, уже под конец, пришлось вторую бутылку искать — первая кончилась, вся ушла на успокоение нервов. И что интересно, я ведь уже не тот, что прежде, и бутылки мне вполне хватает, чтобы вырубиться. Особенно на старые дрожжи. А тут — пью и не пьянею. Организм, видать, мобилизовался и спиртное принимал, что твою воду. Ладно. Дошел до котлована, проник за ограждение, заглянул вниз. Так и есть. Лежит, сволочь, и не шевелится. Вроде как оно здесь совершенно ни при чем. Но меня хрен проведешь. Опять же к тому времени я расхрабрился, что твой герой-первопроходец, и не очень соображал, что делаю и тем более что хочу сделать. Сплошные чувства и никакого разума. Спустился, значит, я в котлован по лестнице, встал перед этой хреновиной, как муравей перед яйцом куропатки, и давай орать ему всякие оскорбления. Повторять не буду — ни к чему это, тем более что с нами дама. Орал, орал, чуть голос не сорвал, а потом вдруг в какой-то момент все изменилось вокруг. Сразу. Вот только что я стоял перед Яйцом, брызгал слюной и размахивал своей бутылкой, и уже никакого Черного Яйца нет, и котлована тоже нет, а стою я на проселочной дороге с бутылкой в руке, солнце только что село, ночь скоро, и впереди, справа от обочины, темнеет какое-то здание бревенчатое и двухэтажное, и в окнах первого этажа свет горит. Местность незнакомая совершенно. И справа, и слева от дороги метров через сто лес начинается, а сама дорога

грунтовая, без всякого покрытия, но сухая и относительно ровная. Конечно, удивился я, но не сказать, что очень сильно. Так, думаю, вот и докричался... Подхожу, вижу крыльцо и дверь. Стучусь. А мне оттуда женский голос: «Входите, не заперто!» Потянул дверь на себя, вошел. Коридорчик, еще одна дверь, открытая уже. За ней — комната. В комнате — стол простой деревянный, какой-то диванчик, стулья. Честно сказать, не очень-то я комнату эту разглядел и запомнил. Во-первых, поддатый уже был изрядно, а во-вторых, не комната мое внимание привлекла, а тот, кто в комнате находился. Вернее, та. Женщина. Молодая, очень красивая и... как бы это сказать... добрая на вид. Взгляд такой... домашний, что ли. Внимательный и в то же время ласковый. Располагающий. Я ее увидел и сразу представил, как сам выгляжу: пьяный, грязный и небритый мужик неопределенного возраста с бутылкой в руке и в мятой шляпе на голове. Даже неудобно как-то стало, хотя я давно на себя внимания не обращаю. Ну, или почти не обращаю. Однако раз, думаю, зашел, отступать поздно.

— Добрый вечер, — говорю. — Меня зовут Петрович.

— Добрый вечер, — отвечает. — А я... допустим, Мария. Или Маша, как вам будет угодно. Проходите, гостем будете.

— Незванный гость — хуже татарина, — отвечаю, но все же присаживаюсь к столу и ставлю на него бутылку. Демонстративно.

Надо сказать, что Маша хоть и понравилась мне очень, но я ни на секунду не забыл, зачем сюда явился. Самое главное, я был абсолютно уверен: все, что вижу вокруг — и дорога, и лес, и дом этот, и девушка — связано с Черным Яйцом. Не знаю, как, но точно связано. Непосредственно. А раз так, то вот мы сейчас и спросим, куда они, гады, людей девали. Пока я раздумываю, как бы мне вопрос правильно задать, Маша ставит рядом с бутылкой чистый стакан и садится напротив.

— Из стакана удобнее, — говорит,

— а сама я не пью совсем, уж извините.

— А яблочка какого-нибудь не найдется? — спрашиваю. — На закуску? Не догадался с собой прихватить.

Усмехается она, протягивает ладонь, а там — яблоко. Большое, румяное. Чистый фокус. Но я взял, не подал виду и даже спасибо сказал. Плеснул себе граммов семьдесят, выпил, закусил. Яблоко на вкус настоящим показалось — сладкое и сочное. Черт с ним, думаю, настоящее оно или нет — ешь, что дают, тем более, сам попросил. Вот эти-то семьдесят граммов лишними оказались совсем. Потому что был я до них, хоть и выпивший, но все-таки... как бы это сказать... нормальный, что ли. Вменяемый. А тут поплыло все перед глазами, мысли спутались. Сижу, за стол держусь, чтобы на пол не упасть. А Маша что-то говорит мне, встает, подходит, заботливо ведет к диванчику, укладывает и даже, кажется, ботинки с меня снимает. Последняя мысль, которую запомнил, что носки у меня уж очень грязные, и зря она ботинки-то... И — все. Провалился. Вырубился.

Мятая Шляпа (про себя я продолжал называть его так) умолкает и прикладывается к бутылке. Я вижу, как нервно дергается кадык на его темной, нездорового цвета шее и отвожу глаза.

— Думаете, вру? — вопрошает Петрович хрипло, отрываясь от виски.

— Нет, — отвечаю, — не думаю. Но мне интересно, что было дальше.

— А ничего не было, — говорит Петрович. — Пришел я в себя дома, на своей постели, сегодня рано утром. Получается, что больше суток провел в полной отключке. Пока соображал, что к чему — люди снова появились, невесть откуда. Я даже бесплатно похмелиться, как следует, не успел, а денег почти не было. Потому к вам и подошел там, у Пита. Ну и рассказать кому-то хотелось, здесь, в городе, мне никто не поверит. А ту вижу — курьеры с Земли...

— Потому что все знают: за выпивку вы готовы сочинить любую историю? — усмехаюсь я.

— Да, — соглашается он. — Но эту историю я не сочинил. Можете верить. Так что виски заработал честно.

Мы с Ириной переглядываемся.

— Получается, что вы так ничего и не узнали, — жестко констатирую я. — Где были люди, куда пропали дети, почему взрослые не замечают, что детей нет. Вся эта история с Черным Яйцом вполне может оказаться вашим пьяным бредом, уж извините. И получается, что зря я вам виски отдал — ноль информации. Так и быть — эта ваша. Гонорар. Но вторую не получите.

С этими словами я поднимаюсь с бревна, Ирина встает за мной, а Петрович, сощурившись, и говорит:

— Значит, вы заметили, что дети пропали?

— Заметили, заметили... Пошли, Ира.

— А информации, значит, ноль?

— Ноль, — киваю. — Круглый и полный.

— Хорошо, — криво усмехается он. — А если я сумею доставить вас к этому дому у дороги, что тогда?

Признаюсь, этим вопросом он меня несколько огорошивает. Я не большой специалист по общению с алкоголиками (не так уж часто они попадались мне в жизни), но уже начинаю догадываться, что потакать им нельзя. Соблазн, однако, велик, и я останавливаюсь.

— Вот к тому самому дому, о котором вы только что рассказывали? — уточняю. — И мы попадем туда прямо отсюда?

— Отсюда не получится, — говорит он. — А вот оттуда, из котлована, где Яйцо лежит, получится обязательно. Я в этом уверен.

— Ну, и во сколько бутылок виски вы оцените эту услугу? — слетает у меня с языка.

И тут я вижу, как Петрович меняется прямо на глазах.

Только что перед нами сидел опустившийся безвольный человек, готовый за глоток спиртного чуть ли не заложить душу, и вот уже спина его выпрямилась, а во взгляде блеснул стальной отсвет.

— Да подавитесь вы своим виски, — презрительно цедит он сквозь зубы и ногой в пыльном, давным-давно не знавшем щетки ботинке отшвыривает от себя недопитую бутылку.

— Я думал, вам действительно интересно, и вы можете хоть как-то помочь, — говорит он голосом, в котором появилось сожаление и твердость. — Но, раз так, придется рассчитывать только на себя. Что ж, значит, это Божье испытание, которое мне необходимо пройти. И, клянусь остатками совести, я его пройду. А вы можете идти своей дорогой вместе со своей второй бутылкой и гребаной иронией.

Некоторое время я смотрю ему прямо в глаза, но затем все же отвожу взгляд и сажусь обратно на бревно. Ирина насмешливо косится на меня и молча устраивается рядом.

— Ладно, — сдаюсь я. — Извините, если что не так. Но вы и сами должны понимать, что особого доверия ваш вид, образ жизни и слова вызывать не могут. Так о какой помощи вы говорите? И каким образом вы собираетесь доставить нас к этому странному дому у дороги, который неизвестно где находится?

— Ясно, о какой помощи, — он словно пропускает мимо ушей мои извинения. — Детей-то вернуть как-то надо или нет? До Земли далеко, а местные — не помощники, как вы понимаете, если они вообще не помнят, что у них были дети.

— А кстати, — перебиваю я, — мне только что в голову пришло. Откуда мы так уверены, что детей нет? То, что на улицах и в парках не видно мамаш с колясками и малолетней ребятни, еще не доказательство. Вернее, не стопроцентное доказательство. Может, мы, действительно, зря беспокоимся? Я запаниковал, и вы туда же.

— Детей нет на самом деле, — мрачно заявляет мне на это Петрович. — Во всяком случае, здесь, в Первограде — точно. Я проверял. А насчет того, каким образом... Вот, смотрите.

Он лезет в нагрудный карман своей неопределенного цвета и возраста

рубашки, достает сложенный вчетверо стандартный лист бумаги и протягивает его мне.

Я беру и разворачиваю. Это записка. Причем написанная от руки, что встречается не часто.

— Если захотите вернуться, — читаю вслух, — приложите ладони. Я открою проход. Маша.

— Ладони, думаю, к Яйцу надо приложить, — поясняет Петрович.

— Это понятно, — киваю. — К чему же еще...

— Какая гостеприимная Маша, — замечает мой стажер. — Надо же, вернуться предлагает. С чего бы это?

— Так ведь не договорили мы с ней, — роняет Петрович. — Хоть и по моей вине, а все-таки.

— Ничего не понимаю, — признается Ирина. — Я, конечно, всего лишь стажер, но, по-моему, здесь специалисты разбираться должны. Кто мы такие?

— Мы представители Курьерской службы Земли, — отвечаю. — Для самоужаения этого вполне достаточно. А большего нам и не надо. Ты представляешь, сколько пройдет времени, прежде чем Земля начнет в данной ситуации разбираться? Путь до Гондваны неблизкий, как ты и сама уже могла убедиться. Плюс бюрократия. Недели пройдут. В лучшем случае. И все это время дети будут находиться неизвестно где. И неизвестно что с ними будет происходить. А может, и уже происходит. Но ты права — всем ходить нельзя. Значит, пойдем мы с Петровичем, а ты останешься. И если что, вернешься на Землю и расскажешь, как все было. А я для пушей убедительности надиктую для начальства сообщение.

— Еще чего! — фыркает Ирина. — Я тебя одного не оставлю.

— Извини, — возражаю, — но в данном вопросе тебе придется подчиниться приказу старшего. Ты останешься.

— А если я не подчинюсь? — прищуривается она.

— Завалишь практику, — отвечаю как можно равнодушнее. — С учетом того, что она у тебя не первая, следующую

шего шанса стать курьером, скорее всего, не представится. Пойми, — добавляю уже мягче. — Ситуация такая, что кто-то обязательно должен остаться здесь. Вспомни инструкцию по высадке на незнакомую планету — корабль без людей не оставляют ни при каких обстоятельствах.

— Мы на очень даже знакомой планете, — надувает губы Ирина.

— Верно, но дела, как видишь, здесь творятся совершенно незнакомые и очень странные. И где именно находится это место, о котором рассказывает Петрович, — неизвестно. Вроде бы получается, что Яйцо способно каким-то образом мгновенно переносить или перемещать человека. Но куда? В другую галактику? В иное измерение? В другое время? Вообще куда-нибудь туда, о чем мы и помыслить не можем? Любая гипотеза, на выбор. Но мне, честно говоря, это не так уж интересно и мало заботит. Я даже готов согласиться с тем, чтобы никогда не узнать, что собой представляет это Яйцо и откуда оно взялось. Единственное, что меня по-настоящему заботит, это судьба тысяч и тысяч детей. Вот это действительно серьезно. А к серьезному делу и подход нужен серьезный настолько, насколько это возможно. Так что будь добра — перестань лезть в бутылку и помоги нам, ладно?

— Он прав, — говорит Петрович, кашлянув. — Чует мое сердце, что не все там просто и красиво. Может и опасно быть. Недаром я напился — страх заглушал. Теперь, конечно, трезвый пойду. Ну, почти.

И кто, спрашивается, его за язык тянул насчет опасности...

Тем не менее деваться моему стажеру некуда, и она соглашается. После чего мы с Петровичем расстаемся, договорившись встретиться здесь же, у входа в лесопарк, в одиннадцать часов вечера, чтобы вместе отправиться к Черному Яйцу.

Мои сомнения в том, что Петрович выполнит обещание и придет вовремя и относительно трезвый, рассеиваются, когда ровно в 23:00 я миную

вход в лесопарк и вижу на лавочке под фонарем уже знакомую фигуру в шляпе.

Флаер ждет неподалеку, и мы направляемся к нему, по дороге обсуждая детали предстоящей операции.

— К Яйцу-то мы проникнем, — размышляет вслух Петрович. — Там есть охрана, но только для вида, со стороны города. А сзади в заборе дыра имеется, и внутри уже котлован не охраняется никак. Да и зачем? Это первую неделю народ толпился, а теперь по привычке.

Петрович не соврал, и к котловану мы пробираемся без всяких проблем.

Яйцо угадывается внизу, как черная плотная масса, не дающая ни малейшего отсвета. Впрочем, отсвечивать нечему. Ночь безлунная, облачная, и фонарь я пока не включаю. Спускаемся в темноте по лестнице на дно котлована тоже удачно — никто не оступается и не гремит с шумом и воплями вниз по ступеням. Я волнуюсь за Петровича с его нарушенным чувством равновесия, но он справляется. Так. Теперь можно и фонарик зажечь. Узкий, не толще карандаша луч, отрегулированный на малую яркость, упирается в непроницаемый черный бок Яйца. Да, внушительное образование, прямо скажем. Или это все-таки предмет? Космос велик, и встречал я в нем природные образования, которые выглядели, как предметы, и, наоборот, предметы, один в один напоминающие природные образования. В конце концов, все улики, которые у нас имеются против Яйца, так или иначе прямыми не назовешь. Ладно, сейчас и проверим.

— Ну что, Петрович, — спрашиваю, — готов?

— Готов, — тихо отвечает Петрович.

Несколько часов ему хватило, чтобы помыться, побриться и даже переодеться и почистить ботинки, что меня несказанно радует, поскольку стоит Петрович вплотную ко мне. Правда, шляпа на нем та же, но это даже хорошо — человек должен быть узнаваем.

— Давай, — командую.

— Подождите, — раздается сзади.
— Я с вами!

Ирина. Вот черт, теперь я понимаю, отчего она никак не может пройти стажерскую практику.

— Что будем делать? — шепотом осведомляется Петрович.

— Пока ничего, — вздыхаю в ответ.

— Ты, главное, не волнуйся, — Ирина останавливается в трех шагах от нас. — Я запрограммировала корабль на автоматическое возвращение на Землю, в случае, если мы сами не вернемся в течение трех суток.

— А если трех суток нам не хватит? — спрашиваю.

— Чему быть, того не миновать, — пожимает она плечами. — Прости, но я не могу отпустить тебя... вас одних.

— Характер не позволяет? — я искренне надеюсь, что мой голос переполнен ядом.

— Неважно что. Главное — не позволяет.

— Не быть тебе курьером.

— Значит, не быть. Но сейчас я иду с вами.

— Черт с тобой, — говорю, потому что сказать мне в данной ситуации все равно нечего. — Но предупреждаю. Начнешь показывать характер и дальше, буду ставить на место. Вплоть до применения физической силы.

— Согласна, — быстро отвечает Ирина. В темноте не видно, но мне почему-то кажется, что отвечает она с улыбкой.

После того как Петрович кладет ладони на Яйцо, все происходит так, как он и рассказывал. Секунд, наверное, через пять. Как будто кто-то незаметно убирает одну реальность и вместо нее подсовывает другую. Так быстро, что заметить момент подмены невозможно. Вот только что мы стояли на дне котлована в Первограде, на планете Гондвана, а в следующее мгновение под ногами оказывается проселочная дорога, над головой — ночное, затянутое облаками небо, а в сотне шагов впереди светится окно придорожного строения.

— Получилось, — выдыхает Петрович. — Что я говорил?

— Это то самое место? — спрашиваю, оглядываясь по сторонам.

— Оно, — подтверждает Петрович. — В точности. Только время другое. Сейчас тут ночь, а тогда был вечер. Пошли?

— Одну минуту.

Я стою и пытаюсь глазами, ушами и носом уловить хоть малейший признак того, что окружающее нас пространство смоделировано искусственно или каким-либо образом нам внушено. Не ловится. Свет и тень, крик ночной птицы и ветер в листве, запах травы и земли — все настоящее. Или кажется таковым с высшей степенью достоверности. Присаживаюсь на корточки, дотрагиваюсь пальцами до чуть влажной от вечерней росы дороги. Нет, не чувствую различий.

— Это Земля? — осведомляется Ирина.

Хороший вопрос. Лично у меня нет на него ответа. Во всяком случае, пока. Молчит и Петрович. Да и откуда ему знать?

Я выпрямляюсь и вижу, как в здании у дороги открывается и закрывается дверь — желтоватый электрический свет на секунду вырывается в ночь и тут же пропадает.

— Зажгите фонарь, — просит Петрович. — Я думаю, это Маша.

Я зажигаю и тут же гашу фонарь. И так три раза.

— Эй! — доносится женский голос. — Это вы? Идите сюда! Это я, Маша!

— Мы идем! — кричит в ответ Петрович, но, надо отдать ему должное, с места не двигается и выжидающе смотрит на меня.

— Пошли, — команду я.

Маша ожидает нас на крыльце и, когда мы подходим, здоровается, предлагает войти в дом. Мы не отказываемся. Хозяйка, одетая в штаны, очень напоминающие джинсы, и рубашку, ведет нас в гостиную и усаживает в кресла, полукругом расположенные перед камином, где пылает живой огонь. Гостиная довольно ярко освещена свисающими с потолка электрическими светильниками. Во всяком случае, мне кажется, что светильники электрические.

— Ну что ж, — говорит Маша, усаживаясь с нами в одно из кресел. — Вижу, что Петрович привел гостей. Давайте знакомиться. Я — Маша. Хозяйка этого дома, искусственно созданное разумное существо. На самом деле меня зовут иначе, но земное имя Маша, как мне кажется, подходит лучше всего.

— Ага, — говорю. — Значит, вы не с Земли.

— В этом не может быть ни малейшего сомнения, — улыбается она. — Насколько я знаю, на Земле пока не научились создавать разумных существ.

— Где дети? — беру я быка за рога. — Учите, если хоть с одним из них что-нибудь случится...

— И что будет? — красиво приподымает бровь она. — Но могу вас успокоить — с детьми все в порядке, это я знаю совершенно точно. Все они живы и чувствуют себя хорошо.

— Зачем вы их забрали? И кто вы такие вообще?

— Я их не забирала. Наоборот, я и мои... единомышленники, скажем так, были против данной акции. Но, к сожалению, мы оказались в серьезном меньшинстве. Что же касается второго вопроса, то это длинный разговор.

— А мы никуда не торопимся, — говорит Ирина.

— Да, — подтверждает Петрович. — Торопиться нам совершенно некуда.

— Что ж, — вздыхает Маша, — попытаюсь...

Тут она замолкает и, хмурясь, поворачивает голову к окну. Что такое... Окно распахнуто, ветер шевелит занавески, и вместе с ним до меня доносится смутно знакомый звук. Я не сразу понимаю, что это такое.

— Лошади? — удивляется Ирина.

Копыта! Ну, конечно же — это стук копыт. Он приближается, и теперь слышно, что лошадей несколько. Как там это называется, дай бог памяти... Эскадрон? Табун?

Мелькает за окном огонь факелов, доносится конское ржание. Хлопает наружная дверь. Решительные шаги. Распахивается дверь в гостиную, и

входят четверо мужчин. Плащи, сапоги со шпорами, шляпы. Только шпаг не хватает. Я уже совершенно ничего не понимаю и вопросительно смотрю на нашу хозяйку, которая медленно встает с кресла навстречу, как мне кажется, не больно-то ожидаемым гостям.

Мужчины занимаю классическую позицию: один у окна, второй у дверей, третий на подхвате. Четвертый же садится в свободное кресло к нам лицом и небрежно закидывает ногу за ногу. Шляпа при этом остается у него на голове, что лишний раз подтверждает, во-первых, его начальственный статус в этой компании, а во-вторых, не дружелюбность данного визита, — все-таки здесь дамы. Хотя, с другой стороны, откуда мне знать, в чем у них проявляется дружелюбность и галантность, а в чем нет? Петрович вон тоже шляпу не снял, но Петрович — это особая статья.

— Чем обязана? — Мария вновь садится и, как мне кажется, демонстративно закидывает ногу за ногу.

— А то ты не знаешь? — ухмыляется главарь. Глаза у него, как и положено главарю, льдисто-голубые, губы и нос тонкие, лицо худощавое, на вид — мой ровесник или чуть старше. — Мы же договорились вроде бы. Кто эти люди?

— Мы-то люди, — вступаю я. — А вот вы кто такие?

— Это неважно, — отмахивается голубоглазый и продолжает, обращаясь к Маше. — Я жду ответа. Не заставляй меня применять силу.

— Силу? — переспрашиваю я с максимальной иронией, на какую только способен.

— Вы бы помолчали, — советует главарь. — Я не с вами разговариваю.

— Зато я разговариваю с вами! — немедленно отвечаю цитатой из самого известного романа Дюма. Видимо, облачение незнакомцев, манера их поведения вместе с сопутствующими обстоятельствами так действуют. Странно, раньше я как-то не замечал в себе особой склонности к мускетерской романтике.

— Хорошо, — он обращает на меня

взор своих голубых глаз. — Давайте поговорим. Но только коротко, потому что времени мало. У меня, во всяком случае. Как я понимаю, вы явились сюда, чтобы узнать о судьбе детей? Так вот, с детьми все хорошо. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Нет, — качая головой. — Вы совершенно меня не удовлетворили, потому что любопытство здесь ни при чем. Мы прибыли не для того, чтобы узнать судьбу наших детей, а для того, чтобы вернуть их домой.

— Этого не будет, — заявляет главарь, как мне кажется, весьма нагло. — Они нам необходимы здесь, и они здесь останутся.

— Вам не кажется, что это жестоко и негуманно по отношению к нам, людям? — намеренно увожу разговор чуть в сторону.

— Может быть, — соглашается он. — Но у нас нет другого выхода. Иначе цивилизацию наших хозяев не возродить. А мы и были созданы именно с этой целью. Вы знаете, что мы искусственные разумные существа?

— Знаю, — говорю. — Но, по-моему, ключевое слово здесь «разумные».

— Ключевое слово — «искусственные». А нам требуются настоящие. То есть ваши дети. Могут заверить, что ничего плохого с ними не случится. Просто они дадут новую жизнь цивилизации, которая старше не только вашей Земли, но и всей галактики Млечный Путь.

— А у них вы спросили? Или у нас?

— Зачем? — удивляется он. — И так понятно, что вы не согласились бы. Ничего страшного. Вас, людей, много, нарожаете еще.

— Ах ты, сука! — вскакивает со своего кресла мой стажер. — Да я тебе сейчас глаза выцарапаю!

Во время всего разговора я стараюсь думать очень быстро. И частично мне это удается. Во всяком случае, я успеваю понять, что здесь что-то не так. Если бы этот главарь мог, он бы уже вышвырнул нас. Или вообще не допустил нашего появления с самого начала. Но мы здесь. И совершенно не важно в данном случае, где именно это «здесь» находится. Главное —

здесь, и где-то здесь наши дети. А это значит...

Додумать мысль до конца времени не хватает, но это уже не важно, потому что наступает пора не думать, а действовать.

— Вы мне надоели, — сообщает главарь и, повернув голову к своим «гвардейцам» (так я их про себя окрестил), добавляет: — Уберите их отсюда. Совсем.

Если дошло до драки, то бить нужно так, чтобы противник не встал. Этому меня учила жизнь, и я не разу не усомнился в справедливости ее уроков. В следующее мгновение мое кресло летит в того, кто занял позицию посреди комнаты. Летит удачно — оба падают на пол. За это время я успеваю очутиться рядом с главарем и с ходу наношу ему удар в челюсть. Он как раз быстро встает мне навстречу, и скорость его тела складывается со скоростью моего кулака. Плюс наши массы (я, между прочим, вешу 82 кило — только мышцы и кости, никакого жира). Все вместе дает замечательный результат: противник на спине и не двигается. Правда, я в кровь разбиваю костяшки пальцев, но обращать внимание на такие пустяки времени нет, потому что на меня кидаются оставшиеся двое — от окна и от двери. Да и третий, которого я сшиб креслом, уже на ногах... Недолго он на них остается. Краем глаза вижу, как Петрович хватается лежащую у камина кочергу, подскакивает и бьет «гвардейца» по голове. С залитым кровью лицом тот падает, но Петрович и сам немедленно получает сильный удар в лицо от того противника, который двигался на меня со стороны дверей... Затем я теряю контроль над общим ходом событий, так как «оконный» и «дверной» оказываются умелыми ребятами, и мне некоторое время приходится весьма туго. Я пропускаю несколько тяжелых ударов, которые сбивают мне дыхание, отступаю к стене, мне удается один раз попасть в одного из них ногой. Затем я вижу, как Ирина с пронзительным криком прыгает на спину второго и вцепляется ногтями ему в щеки, но тот резким круговым

движением сбрасывает ее с себя и снова кидается вперед...

В конечном счете, я обнаруживаю себя придавленным к полу телом одного из «гвардейцев». Тело совершенно неподвижно и весит, как мне кажется, не меньше центнера. Спихиваю его в сторону, не без труда поднимаясь на ноги и оглядываю поле битвы.

Все четверо живописно лежат и не шевелятся.

Кресла, в котором, ошеломленно испуганно хлопая глазами, сидит искусственное разумное существо Маша, перевернуто. Тут и там на полу видны пятна крови.

Мои все целы, хоть и растрепаны. Под правым глазом Петровича уже наливался роскошный фонарь, а у Ирины, кажется, разбита верхняя губа. Но вид бравый — хоть сейчас опять в бой. Петрович, как родную, держит наготове кочергу, Ирина — ножку от кресла. Интересно, она сама ее отломала?

— Очень хорошо, — говорю. — Благодарю за помощь. Теперь этих уродов надо связать, пока не очухались.

— Не надо, — подает голос Маша. — Они теперь очень не скоро... очухаются.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю себя. А они такие же.

— Скажите, — задаю вопрос. — А в этом... мире есть, кроме нас и наших детей, хоть одно не искусственное разумное существо? Желательно из тех, кто обладает ответственностью и принимает решения?

— Нет.

— Ясно. Тогда почему я должен вам верить?

— Потому что я приняла решение, — она делает ударение на «я».

— Какое же?

— Я пойду с вами и постараюсь помочь вернуть детей. Сама я ничего не могла сделать. Этика.

— Очень хорошо. Куда и когда идти?

— Сейчас. У нас не очень много времени. С каждым часом вернуть детей будет все труднее. Здесь не очень

далеко, а идти не надо — кони у крыльца. Только возьмем шляпы и плащи. Для маскировки. Не уверена, что в случае чего это поможет, но все-таки.

— У этих? — киваю на «гвардейцев».

— Да.

— У меня своя шляпа есть, — гордо сообщает Петрович. — И я умею ездить верхом.

— Сережа, — обращается ко мне Ирина, — тебе не кажется, что все это сильно отдает каким-то безумием? Кони, шляпы, плащи... Что вообще здесь происходит? И потом, не знаю, как Петрович, а я не умею ездить на лошади!

— Это не трудно, — говорит Маша. — Я покажу.

— Чепуха какая-то! — фыркает мой стажер. — Сон и бред.

— В этом есть доля истины, — соглашается Маша. — Все, что вы видите вокруг себя, чувствуете и ощущаете, в какой-то мере смоделировано нашим подсознанием. Но это вовсе не значит, что вы находитесь вне определенной реальности.

— Что это значит? — хмурится Ирина.

— Это значит, — поясняю, — что надо не рассуждать, а действовать. На коней и — вперед. Это приказ. Кстати, я тоже не умею ездить на лошади.

Как ни странно, мы с Ириной приспособляемся довольно быстро, да и кони наши на редкость послушны. Едем шагом, сквозь прореху в тучах время от времени выглядывает очень похожая на земную луна, которая освещает проселочную дорогу и подступающий к ней с обеих сторон лес.

«Все-таки чертовски дешевая романтика, — думаю я, покачиваясь в седле. — Вот уж не ожидал, что мое подсознание набито такой чепухой. Если еще в конце пути окажется средневековый город, окруженный крепостной стеной... Нет, как только все это закончится, надо будет всерьез собой заняться. Книжки, что ли, хорошие и умные почитать. И вообще...»

Что именно «вообще», додумать я не успеваю, поскольку Маша, которая едет впереди, оборачивается и говорит, что надо прибавить ходу — ночь не бесконечна, и хорошо бы попасть на место до рассвета.

— Галопом? — спрашивает Ирина, и в голосе ее слышится откровенный ужас.

— Следуйте ритму, — советует Маша. — И не бойтесь, эти кони вас не сбросят.

— И опирайтесь на стремена, — подсказывает Петрович. — Они для этого и предназначены.

Следующие двадцать минут превращаются для меня в сущую пытку. Тот, кто думает, что впервые в жизни лететь на коне галопом сквозь ночь — большое удовольствие, жестоко ошибается. Тут бы просто в седле удержаться... Какого черта, в конце концов! Почему именно лошади, а не, скажем, велосипед?! Прекрасно управляемое, простое и довольно быстрое транспортное средство...

Город вырастает за ближайшим поворотом.

Мы снова переходим на шаг, я с облегчением перевожу дух и усмехаюсь про себя: так и есть — крепостные стены, факелы на башнях, горбатый мост через ров. Хорошо еще не подъемный. Кажется. Неужто и стража на воротах?

Слава Разуму, обошлось без стражи. А с учетом того, что наряду с факелами я вижу и явно электрический свет в окнах, и улица, по которой мы въезжаем в город, вымощена брусчаткой, а не грубым булыжником, у нашего коллективного подсознания еще есть шанс оправдаться в наших же глазах. Прохожих на улицах мало, и пока, судя по всему, никто из них не обращает внимания на четверых, закутанных в плащи, всадников. Но это пока.

— Маша, — негромко окликаю я, — вы хоть скажите, к чему нам готовиться — к драке или разговору?

— Это уж как получится, — тихо отвечает она, натягивая поводья, чтобы наши кони поравнялись. — Но я очень надеюсь, что обойдется без того

и другого. Потому что разговор легко опять может перейти в драку. И закончится, она, скорее всего, тем, что вас вышвырнут отсюда навсегда. А может быть, даже... — она прерывается, подыскивая формулировку помягче, но не находит и говорит прямо: — Может быть, даже убьют. И тогда уже детей точно не вернуть. Если нам... то есть вам удастся остановить часы на Ратуше...

«Ну, разумеется, — думаю. — Часы. Кто бы сомневался. Нет, с подсознанием надо точно что-то делать — набито штампами по самое... сознание».

— Господи, — доносится до меня шепот Ирины, которая словно только что прочла мои мысли. — Какая еще Ратуша? Какие часы? Почему так банально?

— Ратуша городская, естественно, — поясняет Маша. — Что же касается банальности... Хм, не знаю. По-моему, уж лучше часы, чем какой-нибудь термоядерный реактор или гравигенератор.

Она поворачивает коня в узкий, освещенный редкими фонарями, переулок, который совершенно неожиданно упирается в довольно обширный пустырь. Здесь мы оставляем коней пастись на травке и дальше идем пешком. Надо сказать, что лично мне первые несколько десятков шагов даются с немалым трудом. Кошусь на Ирину и вижу, что мой стажер также не слишком уверенно передвигает ноги.

— Чтобы я еще раз села на лошадь или коня... — бормочет она. — Как вы себя чувствуете, Петрович?

— Честно сказать, давненько мне не было так хорошо, — признается Петрович, и я искренне за него радуюсь. Хоть кому-то хорошо...

Маша ведет нас безлюдными переулками. Здесь нет фонарей, и лишь слабый свет из редких не спящих окон позволяет не спотыкаться в темноте. Если таков средневековый город, то я предпочту современные. Впрочем, откуда мне знать, каковы были на самом деле средневековые города? Если то, что мы видим вокруг, всего лишь

бредни нашего подсознания, реализованные при помощи каких-то неведомых технологий... Запутанная история, и я даже не уверен до конца, что мне хочется ее распутывать. Единственное, что я знаю совершенно точно — детей надо вернуть. Любой ценой.

— А что это за цивилизация хозяев, которую нужно возродить при помощи наших детей? — обращается к Маше Ирина, словно прочитывая мои мысли.

— Это очень древняя и давно исчезнувшая цивилизация, — не слишком охотно отвечает Маша. — Если совсем откровенно, то мы даже не знаем, погибла она или перешла на какой-то иной уровень развития. Но в этой Вселенной ее нет точно. А мы, искусственные разумные существа, и были созданы ею когда-то с той целью, чтобы в случае чего способствовать возрождению. Но здесь очень много непонятного и для нас самих. Например, время.

— Время? — переспрашивает Петрович.

— Да. Мы совершенно не представляем себе, сколько прошло времени с момента нашего создания до этой минуты. Мы как будто спали, а потом вдруг проснулись и получили возможность действовать.

— Черное Яйцо, — понимающе кивает Петрович. — Зря мы его не закопали обратно.

— Все дело в том, — продолжает Маша, — что мы не роботы. У нас есть предназначение, но нет жесткой программы, которую мы обязаны выполнить любой ценой. Поэтому я вам и помогаю. Но для кого-то из нас предназначение сильнее любой программы.

— Но не для тебя? — уточняю я, неожиданно для самого себя переходя с ней на «ты».

— Не для меня, — подтверждает Маша. — Все, мы пришли.

Перед нами открывается городская площадь с громадным трехэтажным зданием посередине, из которого тянется к небу квадратная, высокая башня. На самом верху башни, освещенный

подвесным фонарем, виден циферблат часов с римскими цифрами. Кованые черные стрелки (а какие же еще, черт возьми?) показывают без двух минут три часа ночи. Или утра. Как кому больше нравится.

— Эти часы? — киваю на башню.

— Да, — говорит Маша. — Если их остановить, любым способом, запущенные процессы с детьми и многие другие, сопутствующие им, тоже остановятся. И все вернется на круги своя. Станет, как было.

— Ты в этом уверена?

— Почти. Но другого пути я все равно не знаю.

— А мы? — спрашивает Петрович.

— Скорее всего, вернетесь в свой мир.

— Скорее всего... — хмыкает Ирина. — Это мне нравится.

— Поймите, — терпеливо говорит Маша. — Я ведь даже не знаю точно, что будет с нами, искусственными существами. А нам тоже хочется жить. Мне, например, хочется.

— Хорошо, — говорю я. — Но где гарантия, что это безобразие с детьми снова не повторится? И что нам делать с этим вашим чертовым Яйцом? Уничтожить?

— Гарантия состоит в том, что у нас элементарно не хватит энергии на еще один такой глобальный эксперимент.

— Энергию можно накопить.

— Да, но на это нужно очень много времени. Даже нам. Возможно, сотни лет в вашем исчислении. И вообще... не так это просто, как, на первый взгляд, кажется. А уничтожить Яйцо вы все равно не сможете, так что пусть это вас не беспокоит.

Я хочу задать следующий вопрос, но тут часы начинают бить. Три гулких удара следуют один за другим, и тягучий звук долго гаснет в окружающей ночи.

— Скоро рассвет, — замечает Маша.

— Ну, не так уж и скоро, — говорю я. — Ладно. Как до этих часов добраться-то?

— Думаю, по лестнице, — отвечает она. — Там, внутри, наверняка долж-

на быть лестница. Но я с вами пойти не могу.

— Почему?

— Не могу. Просто не могу — и все. Примите это как неоспоримый факт.

— А как мы войдем внутрь?

— Двери должны быть открыты. А дальше — по обстоятельствам. Поймите, я ни разу там не была и совершенно не представляю, с чем вам придется столкнуться.

Лестница кажется бесконечной. Фонарик не нужен — каждый пролет освещается укрепленным в стене факелом, но мне уже надоело удивляться шуточкам нашего (моего) подсознания.

Я поднимаюсь первым, за мной — Ирина, замыкает шествие Петрович. Он громко часто дышит, и нам с Ириной приходится замедлять шаг. Однако отдыхать некогда, да и цель близка: вот он, последний лестничный пролет, за которым — дверь.

Только бы она оказалась не заперта... Но с какой стати? Вошли-то мы сюда свободно. И не встретили на всем пути ни единой «живой» искусственной души. Искусственная душа. Смешно звучит. Интересно, у созданных искусственно разумных существ есть душа?

Времени додумать эту мысль у меня не остается — лестница заканчивается.

Так. Все-таки заперта.

Отхожу к краю площадки, разбегаюсь и бью плечом. Слышен треск, дверь поддается, но не открывается. Бью ногой. Есть, открылась. Темень и пыль. И звук. Равномерное постукивание и пощелкивание работающего механизма.

Фонарь у меня на поясе, но я почему-то снимаю со стены факел и шагаю за порог.

— Да уж, — говорит за моим плечом Ирина. — И как это остановить? Тут часовщик нужен.

— Или заряд взрывчатки, — бормочу я.

Вот уж не думал, что гигантский механизм башенных часов может вну-

шить такое уважение. Совершенно не понятно, как он работает.

— Ничего сложного, — подает голос Петрович. Он все еще тяжело дышит и держит в руках еще один факел, который, вероятно, снял со стены пролетом ниже. — Нужно сунуть что-нибудь прочное между вон теми двумя шестернями — и все. Часы останавливаются.

— Лом? — спрашиваю.

— Сойдет и факел, думаю. У него железная рукоять, если вы заметили.

И в самом деле.

— Тогда, — говорю, — не будем терять времени.

— Подождите, — останавливает меня Петрович. — Это должен сделать я. А вам нужно спуститься вниз. Как можно скорее.

— Ничего не понимаю, — признается Ирина. — Почему?

— Потому что велика вероятность того, что после остановки часов мы окажемся в нашем мире ровно на той же высоте над землей, на какой находимся сейчас, — спокойно объясняет он. — Я понял это минут десять назад.

Я прикидываю высоту башни, и мне становится не по себе.

— А может быть, и не окажемся, — говорит Ирина. — Мы же не под землей очутились, когда попали сюда из котлована.

— Вы готовы рискнуть? — спрашивает Петрович.

— Жребий, — говорю я, подумав ровно секунду. — Тянем оба.

— Еще чего! — возмущается Ирина. — Даже и не думайте. Тянем все трое.

— Нет, — качает головой Петрович, неторопливо лезет за пазуху и достает оттуда предмет, в котором я не сразу, но все же опознаю древний револьвер.

— Семейная реликвия, — объясняет Петрович. — Не пропил. Как чувствовал, что пригодится. Учтите, он исправен и заряжен. Не вынуждайте меня нажимать на спусковой крючок.

— Что ж ты его не вытащил, когда мы с этими дрались... там...за городом? — спрашиваю, пытаюсь найти выход из ситуации.

— Забыл, — говорит Петрович. — Вы... это. Бегите вниз. Спорить бесполезно, я уже все решил. Ну?

Он поднимает револьвер и взводит курок.

Уже светает, когда мы добираемся до гостиницы. Только покинув кабину флаера, я понимаю, как сильно устал — ноги подкашиваются, мутится в голове. Ирина тоже чуть не виснет на моей руке, и со стороны мы, вероятно, напоминаем влюбленную парочку, которая возвращается в гостиничный номер после бурно проведенной ночи в злчных заведениях города. Что ж, ночка и в самом деле выдалась бурной. Впрочем, наблюдать за нами в столь ранний час некому — улицы все еще пусты.

Ночной портье провожает нас безразличным взглядом, мы поднимаемся к себе на этаж и расходимся по номерам. Чувствую я себя совершенно опустошенным, как душевно, так и физически, нет сил даже на душ, поэтому, кое-как раздевшись, ныряю под одеяло и расстаюсь с окружающей действительностью на ближайшие четыре часа.

Без четверти десять мы с Ириной подходим к площади перед Домом Правительства, вступаем на окаймляющую ее аллею и движемся вдоль скамеек с эргономично изогнутыми спинками. Здесь уже с утра расположились молодые мамы, бабушки и няни. Их чада мирно спят или бойко агукают в разнообразных колясках, и мы с искренней радостью наблюдаем эту мирную и чертовски приятную картину.

— Получилось, — улыбается мой стажер.

— Да, — соглашаюсь, — неплохо сработано. Теперь можно и улетать. Хоть я и не выспался.

Секретарша Джейн встречает нас с искренней улыбкой.

— Скажите, Джейн, — спрашиваю, — вы ничего странного возле Дома Правительства с утра не заметили?

— Нет. А что?

— Какое-то необыкновенное

скопление молодых мам на аллее, — говорю. — С колясками.

— А, это! — смеется она. — Вы просто не местный. Ничего странного. Они всегда здесь прогуливают своих маленьких. Традиционно. Здесь, и еще в лесопарке. Сразу у входа, знаете?

— Да, — говорю, — знаю. Кстати, Джейн, что это за Черное Яйцо тут у вас откопали загадочное?

— Никто не поймет, что это такое, — говорит Джейн. — Наши ученые изучали-изучали, да так ничего и не поняли. Все решали, то ли его обратно закопать, то ли так в котловане и оставить.

— Без присмотра?

— А зачем присматривать за тем, что нельзя ни разбить, ни украсть? — резонно замечает она. — Вам уже рассказывали, что гравигенератор на него не действует? И не только гравигенератор.

— Да, рассказывали, — говорю. — Будь моя воля, я бы действительно закопал эту штуку обратно. А еще лучше — залил бы ее металлопластом. На всякий случай.

— Вы, смотрю, не очень любите рисковать, а? — подмигивает мне Джейн.

— Все зависит от предполагаемого результата, — подмигиваю в ответ, — сопутствующих обстоятельств и времени, имеющегося в моем распоряжении. Увы, мы сегодня улетаем, так что возможности рискнуть у меня нет в любом случае.

Джейн понимающе усмехается.

— Впрочем, теперь все проблемы с этим Яйцом решены, — говорит она. — И никакого риска.

— То есть?

— Вы разве не слышали? Сегодня утром в городских новостях передавали.

— Нет, — говорю, — не слышали. А что случилось?

— Оно исчезло. Вчера еще было на месте, а сегодня его уже нет.

— Как это — исчезло? Просто исчезло и все? Без шума и пыли?

— Да. Там есть камера слежения. Она и зафиксировала. В шесть утра

это случилось. В шесть с минутами. Солнце уже взошло. Очень хорошо видно, как Яйцо себе лежит, а в следующее мгновение его уже нет. Там, в котловане, сейчас опять куча ученых и разных экспертов. А что толку? На нет, как говорится, и суда нет.

— Что ж, — констатирую я. — Все это чертовски странно и загадочно, но, может, и к лучшему. Меньше головной боли.

Затем мы забираем пакет с документами, прощаемся и выходим на улицу.

— Ну что, — спрашивает Ирина. — На космодром?

— Да, — говорю. — Но сначала все-таки я хочу заглянуть к Питеру и выпить у него большую чашку кофе. В гостинице мне кофе не понравился.

«У Сэма» в этот час, как всегда, пусто. Мы здороваемся, и я прошу Пита сделать нам самый лучший кофе, на какой только способно его заведение.

— Он у меня и так самый лучший, — заверяет бармен и через минуту ставит перед нами две чашки.

Я пью кофе мелкими глотками и думаю, спросить или нет. Наконец все-таки решаюсь.

— Скажи, Пит, — говорю. — Вчера, когда мы у тебя пообедали, здесь был один пьянчужка. Такой... в мятой шляпе.

— Пьянчужка? — хмурится Пит.

— Ну да, — киваю. — Довольно высокий, худой, небритый. Кажется, его Петровичем кличут.

— Не пойму, о ком ты говоришь, — качает головой Пит. — Вчера, когда вы пришли, здесь, кроме меня, никого не было.

— Ну как же, он сидел вон там, в углу, — показываю я. — Петрович.

— Знаешь, Серж, — внимательно смотрит на меня бармен. — Ты, верно, переутомился. И напугал чего-то с устатку. Не было здесь вчера никого, кроме вас, в это время. И после вашего ухода тоже еще долго никого не было. Народ только часам к пяти стал собираться. Да и не знаю я, честно сказать, никакого Петровича. В шляпе говоришь?

— Да, — вздыхаю, — в шляпе.

— Нет, не припомню такого. А что, он тебе что-то должен?

— Скорее, я ему, — говорю. — Но это уже не важно.

Дорога, ведущая домой, всегда короче дороги из дома. Даже “кисель” переносится легче. Все мои долгие размышления о том, что случилось на Гондване, неизменно приводят к одному выводу: рассказывать никому об этом не надо. Не надо — и все. Разумеется, если я дорожу своей работой. Психическое здоровье курьеров должно быть безупречным. Малейшее сомнение в его нарушении тут же ведет к длительному обследованию с весьма вероятным последующим запретом на профессию по медицинским показаниям. Я довожу свои соображения до Ирины, и она со мной соглашается. Нам не поверят, это ясно. Да и зачем кого-то в чем-то убеждать? Люди на Гондване все равно ничего не помнят, дети возвращены родителям, а таинственное Яйцо исчезло. Вместе с Петровичем. Но мне отчего-то кажется, что с Петровичем как раз все в порядке.

Мы с Ириной выходим из головного офиса Курьерской службы Земли и останавливаемся не его широким крыльце.

— Спасибо тебе, — говорит мой бывший стажер. — Я уж и не чаяла.

— Это тебе спасибо, — отвечаю. — Без тебя я вряд ли бы справился со всем этим.

— Куда ты сейчас? — спрашивает она нарочито безразличным тоном.

— У меня заслуженный отпуск, — отвечаю. — Ты же слышала — важный груз на Лируллу еще не готов. Так что у меня есть целых две недели, которые принадлежат только мне. Если хочешь...

— Что? — быстро отзывается она.

— Я подумал... Тебе ведь тоже положен двухнедельный отпуск перед вступлением в должность. Почему бы нам... Почему бы нам не провести наши отпуска вместе? Я знаю одно прелестное местечко в Крыму...

Некоторое время она молча смот-

рит на меня своими пронзительно-синими глазами.

— Ты уверен, что действительно этого хочешь?

Черт возьми, уверен ли я! Да я в жизни не был ни в чем так уверен, как в этом.

— Как тебе сказать... — говорю. — Если ты согласишься, то доставишь мне большую и чистую радость.

— Ну что ж, — вздыхает Ирина. — Отчего бы и не доставить радость хорошему человеку? Я согласна.

Мы спускаемся с крыльца, и я сам не замечаю, как ее рука оказывается в моей. Две недели отпуска в Крыму — это отлично. И главное, никаких забот.

ноябрь 2005 — сентябрь 2006 гг.,
Москва

ОБ АВТОРЕ:

ЕВТУШЕНКО Алексей Анатольевич. Писатель-фантаст, поэт и художник Алексей Евтушенко родился в 1957 году в Дрездене (Германия) в семье офицера и учительницы русского языка и литературы. Семья сменила несколько мест жительства — от Туркмении до Ростова-на-Дону. С 1999 года А.Евтушенко живет в Москве. В 1980 году закончил факультет архитектуры Львовского политехнического института и в течение нескольких лет после учебы работал архитектором и художником-монументалистом в различных организациях.

В 1979 году занялся литературной деятельностью, публиковался как поэт, а с 1985 года работал журналистом в различных периодических изданиях. Не разрывает с журналистикой и по сей день — работает старшим редактором в газете «Оракул», статьи и карикатуры Евтушенко регулярно появляются на страницах центральных СМИ. Лауреат премии «Литературной газеты» «Золотой теленок» как лучший художник-карикатурист (1999).

Как писатель-фантаст дебютировал в 1991 году с рассказом «Сеня и спекулянт», опубликованным в НФ-приложении к ростовской газете «Наше время» — «Массаракш! Мир наизнанку». С тех пор выпустил около 10 книг в жанрах НФ и приключенческой фантастики: «Отряд» (2000), «Древнее зачатие» (2000), «Под колесами — звезды» (2001), «Отряд-2» (2002), «Человек-Т или Приключения экипажа «Пахаря» (2003), «Отряд-3. Контрольное измерение» (2004), «Охота на Актеона» (2005), «Ловушка для Артемиды» (2006), «Стража Реальности» (2007); а так же — две книги стихов — «Избавление» (1991) и «Третья твердь» (1996).

Алексей Евтушенко — Член Сюза журналистов и Союза российских писателей.